

Сергей
Конов

КОВРИГИНЫ

Автобиографическая повесть

32

Поначалу у отца и сына Ковригиных дела шли ладно – на зависть подъезду и всему белому свету. Мать свою в это время Степаныч не обижал, потому как стыдно было ему перед сыном обижать близкого человека. Юрка сразу же стал обустривать жилище на свой лад в меру своих возможностей и умений. За один день он перекрасил стены в ванной комнате и наштамповал незамысловатые узоры по линии раздела цвета. Апофеозом его рукоделия служил рисунок короны на бачке унитаза. Человеку, восседающему под бачком, корона приходилась чуть выше уровня головы. Этой задумке он придавал особый смысл, ведомый ему одному. В общем-то, на этом и закончился творческий пыл молодого человека.

Зря дядя Женя рассчитывал на то, что сын будет ему послушен во всем и станет ему помощником. На расстоянии все казалось совсем другим. Мечтал Евгений Степанович, что его нерастраченное отцовское чувство будет принято с любовью. Но сын был уже взрослым, самостоятельным человеком. Самое ценное в их отношениях было упущено много лет назад. Сына уже не надо было водить за руку в детский сад, рассказывая смешные истории и ненавязчиво поучая ребенка. И в школу Юра тоже ходил без отца. Евгений Степанович не покупал ему детских игрушек и не принимал участия в совместных играх, потому как с раннего детства сына его уже не было с ним рядом. Многое бы отдал отец за то, чтобы вернуть молодость и не наделать глупостей. Наверное, за версту бы обошел он того милиционера, за которого получил когда-то свой тюремный срок. Да и в общем-то не за милиционера получил он срок, а за себя, за свою гордыню, которая распирала его изнутри, и не здесь, так в другом месте она бы его все равно подвела. Он и сам давно понял, что не за «мента» сидел, а за свою глупость, за свое самолюбие. Так и получилось, что поменял он семью на тюрьму. И потому чувствовал Степаныч свою вину перед сыном за то, что собственными руками отнял у него полноценное детство, за то, что недодал ему необходимого отцовского

внимания. Ближко локоть – да не укусишь! На что теперь он мог рассчитывать? Что, собственно, вообще он дал своему сыну? И что сын может дать ему сейчас, когда жизнь его пошла на закат?

Мягчел душой дядя Женя, уговаривал сына, подсказывал ему, опираясь на свой жизненный опыт, наводил мосты меж двумя берегами. И видел, что сын слушает, соглашается, но делает все по-своему. Узнавал в нем себя и боялся этого. Боялся уже не за себя, а за его будущее. Боялся, что резкость, бескомпромиссность, бравада и желание идти напропалую сыграют злую шутку и с его сыном, как когда-то сыграли с ним. Евгений Степанович попытался сначала придать своей персоне авторитета, напустить тумана рассказами о своей удачливости. Но все это было настолько вычурным, неестественным и показным, что сын, посмеиваясь, отводил взгляд свой в сторону, чтобы не обидеть отца. Юрка был хватким не по годам и многое видел насквозь. И то, что отец пропадал сутками напролет на работе за скромную зарплату, и то, что новой семье не сумел построить, и то, что жил в этой крохотной квартирёшке на пару с бабкой, вовсе не придавало недавно обретенному отцу авторитета. «Конечно же, у успешного человека все так и строится – тюрьма, небольшой тараканий уголок и вечная работа», – посмеивался за глаза Юрка.

Только работа была единственным местом, где дядя Женя находил полноценное приложение своим силам. В остальном – полная никчемность. В напряженных отношениях со своей матерью дядя Женя выдавал себя с головой. На все это невозможно было смотреть.

Вскоре у дяди Жени и бабы Ани начались бессонные ночи. Юрка перестал ночевать дома, а дядя Женя метался по квартире в раздумьях о сыне, который появлялся на следующий день и рассказывал о своих очередных похождениях. Отец понимающе посмеивался, глядя на сына, ведь от него передалась сыну эта страсть к слабому полу. Конечно же, на Украине своих красавиц полно. Но в этом городе творится что-то особое. Разве Юрка виноват, что в городе Усть-Каменогорске живут самые красивые женщины на свете?! Он шутил с отцом, что в этом городе нужно надевать очки для слепых, брать в руки белую трость и идти на ощупь. Либо совсем не выходить в город. Потому как не на каждом подиуме красоты наберется столько красавиц, сколько за час увидишь в Усть-Каменогорске. Юрка допытывался у отца причины этого странного обстоятельства. Почему так? Край света? Смешение народов? Или обыкновенная загазованность, побочным эффектом которой является красота? Отец отшучивался, говоря, что все вместе взятое смешалось и «карта упала правильно».

Несколько раз и меня увлекало в водовороты Юркиных приключений. Я совершенно не имел опыта ловеласа, в чем Юрка был докой. На бульваре Гагарина я встречал его с одной дамой. На проспекте Ленина – с другой. На вечеринке возле гастронома «Жастар» – с третьей. Та вечеринка мне запомнилась тем, что он ударил по щеке свою подругу, повздорил со своей двоюродной сестрой Ольгой, и мне пришлось его унимать. В другой раз, в районе магазина «Горизонт», он завел меня в гости к девушке, которую я немного помнил еще по учебе в энергетическом техникуме. Она была красива: яркая брюнетка с черными глазами. Внешне они походили друг на друга. Что-то нечистое почувствовалось мне в этой молодой женщине. Что-то ведьмовское, шельмоватое таилось в ее улыбке, в ее беспричинном смехе, в блестящих искорках глаз. Она охотно выпивала, курила, затем бежала из кухни в комнатку, где временами кричал младенец, укачивала

его, опять бежала в кухню, выпивала снова. Она была замужем, а муж ее сидел в тюрьме. Юрку это устраивало. Он не был разборчив в своих друзьях и подругах. А мне было жалко того ребенка, что заболел и плакал за стеной, вызывая недовольство матери, веселящейся с Юркой. В конце концов по просьбе Юрки я ходил за лекарством для ребенка, а принеся его, попрощался и отправился на свою квартиру. Было еще не слишком поздно. В душе остался неприятный осадок. Ни я, ни Юрка тогда не знали, что эта женщина, у которой он остался в тот вечер, сыграет в судьбе Юрки Ковригина роковую роль.

33

Долго наши отношения с Юркой не могли продолжаться, потому что не было для этого никакой прочной основы, на которой они могли бы держаться. Не став друзьями, как этого хотелось дяде Жене, мы стали обыкновенными приятелями. Я стал больше времени уделять учебе, а Юрка, ничего не потеряв в моем лице, продолжил свои похождения по Усть-Каменогорску.

Я продолжал заниматься гиревым спортом. В спортзале организации «Алтайэнерго» я познакомился с Олегом Таращуком, врачом БСМП – больницы скорой медицинской помощи, чемпионом области по гиревому спорту в рывке. Он мне подсказывал тонкости в технике толчка и рывка гири на 24 кг. В небольшом зале, где в основном занимались входившие в моду «качки», было несколько хороших гиревиков. Над одним из них, невысоким плотным мужичком, подшучивали и как к реликвии относились к его футболке, проеденной потом до дыр.

Олег Таращук, высокий, стройный, интеллигентный мужчина, спокойным голосом произносил обыденную свою шутку:

– Надо хоть прикоснуться к Пашиной майке, как-никак чемпион мира! – Он поправлял очки, улыбался нам, молодым гиревикам, и заканчивал с перчинкой: – Хоть и среди железнодорожников, а все равно чемпион мира.

Кроме Таращука и Паши-чемпиона, который уже забросил гири и перешел к «качкам», был Володя. Это был «химик», который досиживал свой срок на вольном поселении. За какие прегрешения он угодил в тюрьму, нас не интересовало. Нас интересовали гири. А Володя был настоящим фанатом. Начиная с разминки, он сгонял с себя семь потов, останавливаясь только для того, чтобы отдышаться. С ног до головы он был рыжим. А через двадцать минут занятий становился красным. Каждый раз он привносил в занятия что-нибудь новенькое, менял подходы, экспериментировал. И загонял себя. Пару раз у него даже прихватывало сердце, и наш общий среди гиревиков врач Таращук помогал ему приходиться в норму.

Результатом тренировок Володи стало первое место по области в весе на семьдесят килограммов. Таращук взял первое место в весе на девяносто килограммов. Я на тех первых своих соревнованиях в весе на восемьдесят килограммов, где больше всего участников – 20–30 человек, занял место во втором десятке. Но я не сдавался, а постепенно нарабатывал технику. Скоро у гиревика Володи закончился срок, и он уехал в родную Киргизию.

Мой друг Самат, разделивший со мной немало горестей и удач, ушел в «качки», а после известного дня рождения с вытрезвителем отбыл в годовой отпуск в родное село. Остались мы с Таращуком.

Олег иронично относился к штангистам и «качкам», разъясняя мне огромную и очевидную разницу между «нами» и «ними». У «них» все поставлено на одно

очень сильное движение, будь то толчок или рывок. У «нас» все поставлено на множество однообразных движений. Для этого нужна выносливость. Олег брал в руки «двадцатьчетверки», в стойке упирал локти в бедра, изогнув спину «блесной», легко вскидывал гири, подседал под них, выпрямлялся, держа их на вытянутых руках. Во время работы с гирями пояснял мне самое главное: «Нужно работать на дыхание. Главное – не сбить дыхание. Работай не торопясь». И я учился работать не торопясь. В вторых соревнованиях я уже попал в первую десятку. А через год был уже в первой тройке на областных соревнованиях. При том мой вес был всего 71-72 килограмма, когда вес других был больше и едва вписывался в категорию до 80 килограммов.

Свои тренировки я не афишировал. О них знали только три моих однокурсницы, с которыми я тесно общался. И еще баба Аня, которая всегда вздыхала и переживала за меня, глядя, как я ворочаю в ее тесной комнатухе гири. Две «двадцатьчетверки» всегда стояли под моей кроватью и ездили со мной почти по всем городским квартирам.

Мои тренировки не пропали даром. Я отмалчивался в сторонке до поры до времени. И вот настал мой час. В честь 23 февраля в институте стали проводить конкурс «А ну-ка, парни!». На нашем бедном парнями факультете на это мероприятие набралось всего семь человек вместо положенных восьми. Решено было, что во всех конкурсах капитан будет участвовать дважды. Капитаном выбрали меня. На первое и второе место рассчитывать не приходилось, так как факультеты физвоспитания и инженерно-педагогический («трудовики») состояли большей частью из мужчин. А вот за третье место можно было побороться. К заключительному конкурсу сразу несколько факультетов претендовали на третье место. Наконец начался заключительный конкурс – конкурс капитанов. Толчок гири одной рукой. Расклад – лучше и придумать нельзя: наш факультет завершает соревнования. Я знал результаты всех предыдущих соперников. Выступали парами по два факультета, от каждой команды – капитан и один член команды. «Трудовики» вели, поднимая около шестидесяти раз на двоих. Нас, филологов, конечно же, в расчет никто не брал. Все ждали выступления физкультурников. Естественно, что они, здоровые парни с буграми накаченных мышц, должны победить. Самоуверенно махнул рукой в нашу сторону один из них, мол: «Отдыхайте, парни». Нравятся мне крепкие мужчины с буграми мышц, когда они выходят с тобой на честный поединок. Я прекрасно помнил слова Олега Тарашука, что опасен жилистый гиревик с сухими мышцами, а у всех этих «качков» быстро «забываются» их огромные мышцы и в гирях они – не конкуренты. Один из физкультурников поставил рекорд – 36 раз, второй толкнул – 35 раз. Мой напарник толкнул 20 раз, как мы и договаривались и, поставив гирию на место, спокойно пошел к лавочке. Мне до победы нужно было толкнуть 52 раза. Мой личный рекорд в то время был – 85 раз в толчке (две гири) и 75 раз в рывке. Работаю на дыхание, не торопясь, четко толкаю гирию, фиксируя на вытянутой руке. Я поднял только тринадцать раз, когда уже закончили свой подход соперники. Остался один в центре зала. Работаю уверенно, как на тренировке. В зале – тишина. Двадцать. Тридцать. Весь мой факультет всколыхнулся и завизжал, поддерживая меня. Сорок. Пятьдесят. В этом месте я спокойно отдохнул несколько секунд. Пятьдесят восемь раз. Ставлю гирию на место. Шум. Визг. Поздравления. Вокруг меня болельщицы родного факультета. И сквозь шум пробивается одинокий крик моего декана Ефима Ефимовича Щербика: «Сергей,

ты сессию сдал!» Поздравляет мальчишечка с цветком. Ректор института Мамбетказиев вместе с моим деканом пожимают по очереди мне руку. Неописуемый восторг. Счастливое мгновение! Заслуженное призовое место.

С той поры я стал выступать за наш институт. На физкультуру мне разрешили не ходить. На городских соревнованиях – ожесточенная борьба с представителями завода железобетонных изделий и строительно-дорожного института (СДИ).

На одних городских соревнованиях в весе на девяносто килограммов происходит интересный случай. Тарашук ставит рекорд области в рывке – 90 раз (каждой рукой). Вслед за ним выходит молодой высокий парень, представляющий СДИ, и повторяет этот же рекорд, хотя мог его тут же побить. В сумме – толчок плюс рывок – Тарашук снова на первом месте.

34

Следующим летом с Севера вернулся мой дядя, брат матери, и я одно время жил у него в двухкомнатной квартире на улице Пролетарской. Вскоре он купил квартиру и разрешил мне пожить в его новой «полупторке» в районе комбината шелковых тканей (КШТ). Это было интересное время. Узнав о том, что я живу один, ко мне подошла моя однокурсница с просьбой приютить приезжего парня, что учился на естественно-географическом факультете. Его звали Егором, но это имя ему почему-то не нравилось, и он попросил называть себя Игорем. Родом пареньек был из Зырянска. В тот же вечер Егор появился с матрацем, гитарой и вещами. А через некоторое время на полу появился еще один матрац – физкультурника Сергея из Шемонаихи. В течение этого года количество проживающих в нашем «теремке» менялось. Порою он вмещал до восьми человек. Одни уходили, приходили другие. Одно время жил внук известного в городе поэта Чистякова, названный в честь деда Михаилом. Он приехал из Алма-Аты. А почему жил у нас? Ума не приложу! Следом появился его земляк – высокий молодой пареньек из той же южной столицы. Был этот пареньек спортсменом-велосипедистом и учился на физкультурном факультете в нашем институте. Его велосипед тоже ютился в нашей квартирке. Как мы все умещались с баулами и велосипедами?

К концу проживания, не доучившись в военно-морском училище двух лет, к нам «пришвартовался» мой односельчанин по имени Талгат. Он тут же был наречен Корабликом. Высокого роста, подтянутый морячок. Потянуло его от большого моря в родные степи, в родные горы. Как напоминание о службе привез он с Балтики настоящий двенадцатикратный бинокль. Вечерами мы по очереди выходили с этим биноклем «на вахту» – прوشупывали окна соседней пятиэтажки. Заметив молодых девчонок в одной из квартир, установили для стойкости бинокль на кипу учебников и вели за ними наблюдение. На знакомство отправили самых представительных – Кораблика и велосипедиста. В тот же бинокль мы наблюдали, как два высоченных парня поднимаются по подъезду на знакомый пятый этаж. А вскоре они вернулись не солоно хлебавши.

Эти молодежные забавы мы проделывали, когда уже подходил к концу учебный год. Я заканчивал второй курс. А до той поры на протяжении всего года мы жили дружной компанией из трех студентов разных факультетов – Сергея, Игоря и меня.

Игорь три года отслужил на Черноморском флоте коком. На кухне он был асом. Из простейших продуктов Игорь делал вкуснейшие блюда. Шинковал овощи

ножом тончайшей соломкой одинакового размера, философски считая, что даже такие мелочи влияют на вкус. А что он вытворял на гитаре! Частенько мы засиживались допоздна, подпевая ему. Это было время таких групп, как «Наутилус Помпилиус», «Кино», «Воскресенье», Юрия Лозы и Патрисии Каас. Игорь мог спеть все, что звучало на русском языке.

Физкультурник Серега тоже был компанейским парнем, но, в отличие от Игоря, был человеком беспокойным и задиристым. Мы прекрасно ладили между собой, но стоило Сергею выйти за пределы квартиры, как он тут же находил себе приключения. Он вел секцию каратэ в одной из школ города. Будучи невысокого роста и худощавым от природы, он производил впечатление слабосильного человека. Эта внешняя обманчивость дорого стоила тем, кто его недооценивал и провоцировал на драку. Однажды Сергей вернулся из ресторана с разбитой нижней губой. Из зашитой раны торчали два кончика хирургической нитки. Он едва мог говорить, и я с трудом понял, что мне пытался сообщить наш каратист: «Подрался с таксистами». А наутро пришел участковый, которого я провел на кухню. Мне пришлось врать, что Сидельников здесь не живет, хотя тот мирно спал на своем матрасе за дверью в нашу комнату. Проводив милиционера, я дождался, когда проснется мой товарищ, и сообщил, что приходили «по его душу».

С Игорем связано мое недолгое увлечение теософией. На слуху были имена Рериха и Блаватской. Эзотерическая литература еще не наводнила книжные прилавки магазинов и не набила оскомину ищущим истины. Вначале и у меня был интерес к этой литературе, как всегда ко всему новому, но душа воспринимала все это настороженно. А вскоре воспротивилось мое существо такого рода идеям, и осталась на душе крохотная зарубка – что-то похожее на детскую прививку от оспы. Рериховская Шамбала так и осталась нами непокоренной, на другом меридиане, в стороне от нашего вектора исканий.

Через год мой дядя разменял квартиру, и нам пришлось искать новое место. Мы поселились в небольшой полуподвальной комнате в большом доме в самом центре города. Дом находился возле ЦУМа, на улице Тохтарова.

Про учебу мы не забывали. В то время мы проходили литературу начала девятнадцатого века. Преподаватель – красивая женщина, коммунист. Постоянные партсобрания или организационные мероприятия не дают ей как следует с нами познакомиться. На редких лекциях она смещает акцент на внешнее – какие-то рассказы о женщинах пушкинской поры – ноготочки, осанка, статья... Большую часть занятий мы ее не видим, изучаем литературу самостоятельно. Подходит время сессии. Эта красивая, видная, статная, запоминающаяся женщина, оставившая белое пятно в моих знаниях, принимает экзамен: «Все, кому достаточно «тройки», подойдите с зачетками ко мне. Кто считает, что знает на «четыре», – тоже с зачетками. А те, кто за «пятерками», будут брать билеты». Я остаюсь сдавать экзамен. Она удивленно смотрит на меня, единственного парня, осмелившегося побороться за высший балл, переспрашивает, действительно ли я уверен в своих знаниях. Без сомнения. Беру билет. Рассказываю о Лермонтове. Пять!

Долгое время на квартиру к Ковригиным я не заглядывал. Однажды, ближе к лету, я торопился по делам. Шел дождь. Подняв воротник джинсовой курточки, чтобы не заливало за ворот, я шел быстрым шагом по проспекту Ленина. В районе парка, у кинотеатра «Казахстан», навстречу мне уверенной походкой шел военный. Он был одет в плащ, башлык закрывал верхнюю часть лица. Мы уже по-

равнялись, когда я услышал знакомый голос, окликнувший меня. Это был Юрка Ковригин. Несколько минут мы поговорили под кленом, пока я окончательно не промок, и мы попрощались. Он устроился в воинскую часть Ахмирово – сверхсрочником, на жаргоне военных – «сверчком». Сказал, что уже получил какую-то жилплощадь и теперь живет отдельно от родных. Не забыл сказать и о том, что отец и бабушка потеряли меня и хотели бы увидеть.

Это была последняя наша встреча. Юрка уверенной походкой ушел от меня скрывшись за завесой дождя.

35

Я не стал затягивать с визитом и на другой день отправился к Ковригиным. Баба Аня, открыв мне дверь, обрадовано обняла меня, пожурив: – Совсем нас забыл, совсем... – Учеба, тренировки, – попытался я оправдаться. – Понятное дело, учеба тебе не халам-балам, – поддержала меня Анна Федоровна. Она нащупала мою руку, притянула ее к своей щеке. – А я по тебе прямо так соскучилась... И Женька все высматривает тебя, ждет. Думает, может, с Юркой поругались?

– Нет. С Юркой у нас все нормально. Вчера его в городе видел. – Юра уж полгода как от нас ушел, квартиру дали ему в части. А этот разоряется, опять меня со свету сживает. Материт с утра до вечера. При сыне хоть маленько стеснялся, а теперь совсем распоясался. Увидит Горбачева по телевизору, ажно лаять начинает: «Это все твой любимчик, папочка твой Горбач натворил дел!» Меня винит во всем, будто это я народ довела до ручки, – бабушка беспомощно всхлипнула, сидя на своей кровати. Достала из кармана халата пожульканную тряпочку, служившую ей носовым платком, вытерла мокрые глаза. – Все надоело, прямо-таки не знаю... – Она несильно стукнула дном пузырька о табурет. И эта выплеснувшаяся случайная злоба ее была столь же бессильной и пустой, как и сама ее жизнь.

Пока я сидел рядом и слушал ее, баба Аня отвела душу, жалуясь на жизнь. – День не спишь, ночью пластася. Да хоть бы видеть глазами, а то так – шарком шарисься. Включишь телевизор, там тоже ничего хорошего. В Рабежане (Азербайджане) подожгли музей... А вчера женщину одну показывали – наверно, шибко хорошо было в Карабасе (Карабахе), что она кричит, чтоб не отправляли ее обратно. А щас передавали – на вертолете-то там погибли 56 человек и одна девочка...

Баба Аня загружала меня добытой у голубого экрана информацией, больше похожей на сводку с фронта. Между тем она успокаивалась, начинала улыбаться и вспоминала положительные моменты:

– В час включила телевизор, а там девочка на бревне, как мячик подпрыгивает. Как она так может? – Как бы опомнившись, она поднялась с кровати и пошла на кухню: – Женька раскошелился на днях, мясца принес. А я борщик сварила. Щас разогрею. Угощу тебя.

Там, где она прошла, половики были завернуты, а на повороте в кухню скручены, будто там разворачивались на гусеничном транспорте. Идя вслед за ней, я расстилал половики. Баба Аня заметила это и пошутила: «Да, где я прошла, там заметно...» Она усадила меня за стол и стала угощать небогатой едой.

– А где ты сам сейчас живешь? – поинтересовалась старушка.

– Возле ЦУМа. Улица Тохтарова, 66. Улочка небольшая, упирается в парк Кирова. Там музеи, и вообще райончик спокойный. Живем в подвальчике, трое парней. Там у нас небольшая кухонька и комнатка, стол, три кровати по углам. Печурку сами топим. Живем весело. В доме, над нами, живет бабушка Лена, ей 93 года. Там пять комнат сверху. Одну занимают девчонки с нашего факультета, в другой живет внук с женой.

– Набилось там у вас народу. А бабушка-то хоть неплохая досталась, хозяйка-то? – с некоторой ревностью спросила баба Аня.

– Да ничего бабуля. Вот хозяйство у нее большое, за всеми уследить надо. А нам хорошо, мы отдельно живем, внизу, вход отдельный.

– Ну дай Бог, дай Бог! Да и какие у нее могут быть проблемы с такими ребятами, как ты. Я тебя всем в пример привожу, весь подъезд тебя знает. И так хорошо было, когда ты у нас жил. Мы ж по тебе скучаем, не только я, Женька тоже, хоть и озверел маленько, а про тебя всегда с теплотой говорит.

Приятно было слышать добрые слова. Вскоре стало смеркаться, а дядя Женя все не появлялся. Попрошавшись, я отправился в свой «подвальчик», так мы называли новую квартиру.

В студенческую пору мне пришлось жить практически на всех окраинах Усть-Каменогорска. Жил на КШТ, в поселке Октябрьский, на Аблакетке, на Согре, ночевал в районе «Самала» и нефтебазы... Жил некоторое время на Пролетарской. Постоянного пристанища практически не было, и я привык к такой цыганской жизни, а в шутку говорил, что ночью там, где застал меня закат солнца. Спал на хороших свежих простынях и на койке с прогнутой панцирной сеткой на двоих. Спал под тонким одеяльцем общежития на улице Образцова и на полу, подложив под себя половик и укрывшись другим половиком... Обычная студенческая жизнь. Но самые лучшие воспоминания относятся, конечно же, к жизни на улице Патриса Лумумбы, у Ковригиных.

Открыв небольшую дверцу в подвал, в крошечной темноте на ощупь пробираюсь вниз – три или четыре ступеньки. Нашупываю глухую невысокую дверь, и вот он, наш подвальчик. Окно, ведущее на улицу, наполовину вросло в землю. И когда кто-нибудь из знакомых подходит к нему и стучит, то видны только ботинки и брюки или сапоги на девичьих стройных ногах.

Бабе Лене, нашей хозяйке, считанные годы оставалось до ста. Была она женой красного командира. Высокая, худощавая, нос тонкий, с горбинкой. Видела она плохо, но слух имела отменный. Ее пол приходился нам потолком, так как ее комната находилась в ближайшем углу дома, как раз над нами. Ночами она долго не могла уснуть, ее мучила бессонница. Она поднималась и бродила по комнате. И тогда дробный стук ее костыля как в пустой деревянной коробке отражался у нас. По стуку костыля мы определяли движение нашей хозяйки. Когда она подходила к своей печи, мы заметно умолкали, зная о том, что там находится какое-то тайное окошечко, в которое она нас подслушивает. Услышав что-нибудь «криминальное» вроде девичьих голосов, она тут же отправлялась к выходу – уже отдаленно слышался стук ее колотушки. Значит, через пару минут спустится к нам. За это время мы успевали вывести девчонок, если таковые у нас находились, на улицу или спрятать прямо в этой же комнате.

Баба Лена заходила, шуря подслеповатые глаза.

– Чтой-то у вас ноне задымлёно, прямо страшно! Ничего не видать.

Егор появлялся со сковородкой из меленькой кухоньки.

– Вот, баба Лена, полюбуйте, какое масло сейчас делают. Горит и все. Поджарок не могу сделать.

– А оно кругом щас одна дрянь, хоть что возьми, да и дороговизма...

– А Вы, баба Лена к столу присаживайтесь, сейчас борщом накормим, – зывал Егор.

– Спасибо, спасибо, я сыта. – Она поворачивалась в сторону дверей. – Вот только голоса девочек отсюда раздавались...

– Что Вы, баба Лена, нам учиться надо, какие тут могут быть девчонки! – встревал в разговор Сергей Иманов, наш новый товарищ по квартирному обществу, и незаметно давил на кнопку магнитофона, откуда доносился спокойный голос Патрисии Каас.

– Энто хто? – удивленно вопрошала старушка.

– Энто, бабушка, женщина, зовут ее Патрисия Каас. Француженка. Ее Вы, наверно, и слышали.

– А черт ее разберет...

Она долго переступала ночной порог и выбредала на свет божий из нашего подвала.

– Вот что, парни, – предложил Егор, – срочно надо достать какую-нибудь «Натали» или «Комбинацию», а то слух-то у бабки отменный, еще скажет, что девчонки не на французском тут говорили, и Патрисию нашу забракует.

В подвальчике мы жили дружно. Все обязанности у нас были распределены. Егор готовил обед, хотя бы раз в день. Серега топил печь – два раза в день, утром и вечером. А я делал в «доме» уборку. Один раз в неделю. В самом выигрышном положении находился я. Зато Иманов, оттопив зиму, уже с весны пошел на заслуженный покой.

А вот бедный Егор должен был ежедневно хотя бы пару часов тратить на приготовление пищи. Еда нужна и зимой, и летом. Надо отдать должное Егору – это занятие ему нравилось, и готовил он превосходно.

Из-за склонности к полноте обоих моих товарищей по подвальчику, я вечерами садился в гордом одиночестве за свежеприготовленный ужин. Они после шести не ели: соблюдали диету. Но стоило только мне набрать тарелку пахучего борща, как в мою сторону поворачивались лица друзей, которые наблюдали за мной из другой комнаты.

Издали начинались вопросы Егора:

– Ну что? Как сегодня борщец?

– Да ты знаешь, не очень.

Я облизывал какой-нибудь лавровый листок или грыз косточку, гремел ложкой о дно тарелки.

– В тот раз хуже был. Даже скажу, намного хуже. Этот какой-то наваристый получился, классический борщ. Конечно, ты и лучше можешь сготовить... – Я добавлял себе вторую порцию. Сухопарому от природы, мне вряд ли могла повредить и дополнительная порция борща.

Мои друзья в соседней комнатухе начинали перешептываться, потом одновременно срывались с места и шли ужинать, решив, что диету можно начать и с завтрашнего дня. И так повторялось изо дня в день.

А по весне в институте объявили конкурс: призеры поедут на полгода пионервожатыми в пионерский лагерь «Артек». Мне повезло: я прошел! В начале мая нужно было уже выезжать, а к тому времени оперативно сдать зачеты и курсовую работу по литературе.

Литературу в то время у нас вел Поминов Петр Дмитриевич, с которым у меня всегда были прекрасные отношения. В тот год Петр Дмитриевич много дал нам из Достоевского, кроме программных произведений, расширил наш кругозор «Братьями Карамазовыми» и «Бесами». Времени на курсовую работу почти не было. Я написал ее за ночь. Как сейчас, помню ее название: «О Достоевском в стиле Достоевского». К тому времени я хорошо знал окраины нашего города, изучил психологию старушек, у которых жил на квартирах. Та же баба Лена, заметив оставленный на улице топор ее зятем-латышом, отчитала его: «Найдется какой-нибудь ретивый и снимет мне голову топориком». То, что было описано Достоевским, имело место и в моем близком окружении. Об этом я и написал.

Пришла пора собирать вещи. Егор и Серега, с которыми я скитался по квартирам, подарили мне в дорогу солнцезащитные очки, дабы не ослепить глаза на южном солнце. Все было готово, но я не мог уехать, не попрощавшись с Ковригиными, которые стали мне за эти годы родными людьми.

Было воскресенье. Ковригины были дома. У них вчера отключали воду, и они весь день просидели без воды. А этим утром баба Аня увидела, что соседняя пятиэтажка «вся в постиранном белье», это означало, что воду наконец дали, и решила тоже заняться стиркой. Когда я пришел, она уже заканчивала вывешивать белье на балконе, а дядя Женя уже собирался на улицу. Он сидел на койке, на которой когда-то я спал, и смотрел какую-то телепрограмму. Поздоровался со мной мельком и снова уставился в телевизор, по всему было видно, что тема передачи затронула его крепко.

– Ты посмотри на него! Как выкручивается. Как угорь скользкий, – он подошел вплотную к телевизору, оскалив крупные желтые зубы, зло спросил у политика: – Ты кому врешь, иуда? Ты кому врешь, иуда! Я тебя спрашиваю!

Я тоже понял, к чему ведет продажный политик, и вставил свое слово:

– И откуда только берут таких?

– Они их специально подбирают. Они ведь не берут путевых людей. Вот возьми меня! Я им все выскажу, кто плешивый, кто какой! Всех врагов народа на чистую воду выведу, начиная с Горбача! Работать надо!

Анна Федоровна уже закрывала балкон, с улыбкой поздоровалась со мной, дополнила реплику сына:

– Кругом хаос, такой хаос, что страшно.

Ударение в слове хаос падало на вторую гласную.

– А я ведь зашел попрощаться. В «Артек» уезжаю на полгода, пионервожатым.

– В Крым, значит, – отреагировал дядя Женя, – губа не дура. Ты, мать, поставь там чаю, налей мне да Сереге в новый бокал с медвежками, – тут же распорядился Евгений Степанович.

– А сам что, без рук? – валко пошла в кухню баба Аня, недовольно бурча на сына. – Министр такой иностранных дел выискался...

На столе стояла пол-литровая баночка с сахаром и вазочка с темным медом.

– Угошайся, вчера Юра мед откуда-то принес, – пригласила к столу баба Аня. Я поинтересовался, как он поживает.

– Да ушел он со службы. Говорит, на все лето поедет работать на базу отдыха на Бухтарму. Купил себе музыкальный центр во всю стену, там такая бандура, я извиняюсь, – его отец раскрылатил руки, пытаюсь показать размеры предмета, но рук не хватало.

Вечерело. У меня еще оставались дела, которые нужно было успеть сделать и я попрощался с Ковригиными.

В «Артеке» я пробыл меньше положенного срока. Улетал домой во второй половине августа. Море бушевало – таким я его не видел ни разу за все месяцы пребывания в Крыму. На душе было неуютно, словно ты кого-то потерял безвозвратно и окончательно. Это был 1991 год. Как мне позже рассказывали, 19 августа нашу дружину повезли в город-герой Севастополь. Один раз за смену нас возили в этот замечательный город. Стоило автобусу остановиться в пути, когда одному из пионеров стало плохо, тут же из кустов вышли мужчины в штатском и попросили следовать дальше. Это было неподалеку от Фороса, горбачевской дачи. Именно в этот день произошел так называемый путч. За несколько дней до этого события я улетал рейсом на Барнаул. Самолет поднимался в красивое закатное небо. На крыле играло блеском вечернее солнце, как в песне Виктора Цоя. Песня, возникшая в голове, усугубляла и без того неотступную печаль. Я сидел крайним, возле прохода и, глядя в фюзеляж самолета, совершенно не обратил внимания на двух крепких парней, сидящих возле меня. Зато они давно рассмотрели меня. И как только самолет набрал высоту, один из них спросил:

– Далеко летим? – вопрос прозвучал несколько странно, ведь рейс был прямой и кроме Барнаула нигде не останавливался.

– В Барнаул.

– Не подскажешь, где там находится проспект Социалистический?

Барнаула я не знал. И помочь ребятам в этом деле не мог.

– А что тогда летишь туда?

– Транзитом. Билета до Усть-Каменогорска не было. Вот и приходится делать крюк через Барнаул.

– А! А то мы уж подумали, что подскажешь нам кой-чего.

То, что ребята были не барнаульцами, стало понятным с первых слов. По их поведению – развязности и уверенности в себе – я понял, что это рэкетеры. В кино уже всюю раскручивали этих романтиков криминального жанра. Но видеть их рядом мне пришлось впервые. И я их вызвал на ответную откровенность.

– А вы в Барнаул летите по делу, как я понял?

– Да. Есть там один товарищ... Сейчас он уже лег спать, наверно, даже не подозревая, что к нему уже летят ангелы. А утром мы его прямо с постели и возьмем горяченьким.

Для подтверждения своих слов он расстегнул спортивную сумку, в которой лежало оружие.

– А как же вы прошли через досмотр?

– Для нас вход всегда отдельный.

Очень уж откровенная текла беседа. Ребята спрашивали, занимался ли спортом? Зазывали в свои ряды.

Слишком много было впечатлений за последние дни. Я перебирал в памяти самое ценное, что грело душу, и незаметно уснул.

На рассвете мы были уже в Барнауле. Я поехал на вокзал, «ангелы», взяв такси, понесли по условленному адресу.

37

Я уже учился на четвертом курсе, когда наш педагогический институт переименовали в Восточно-Казахстанский государственный университет. Несколько факультетов, в том числе и наш, перевели в здание бывшего Дома политпросвещения, или Политпроса, как его еще называли. Портреты вождей марксизма-ленинизма, изодранные молодежью в клочья, были вынесены на ближайшую мусорку. В том же году не стало Советского Союза.

На квартире у бабы Лены, жены бывшего красного командира, я прожил еще несколько месяцев. Мне пришлось переехать из подвала наверх: теперь мне досталась проходная комната, где находилась печка. Егор и Серега, мои друзья, с которыми я жил в подвальчике, сняли в городе квартиру. Утрами, задолго до рассвета, появлялся в доме, приходя из ближайшей пятиэтажки, пожилой зять старухи. Это был худой безвредный латыш с вытянутым лицом, с крючковатым носом, в который он постоянно гундосил, разговаривая с тещей. Правая его рука, когда-то ломанная в локте, оттопырено торчала в сторону. Человек спокойный и беззлобный, он не справлялся со своей бессонницей и мог появиться в доме в любое время ночи. Когда в пять утра, когда в четыре, он подбирался к печке и начинал выгребать золу. Выгребал профессионально, аккуратно ссыпал золу в ведро, накидывая сверху на ведро тряпку. Брякал кочергой, звенел ведром и хлопал дверью. Носил и носил он эти бесконечные ведра на улицу, словно работал истопником в котельной. Перебивая сон домочадцев, он любезно здоровался со всеми, кто уже не мог спать. Баба Лена выходила из дальней комнаты – худая, страшная, похожая на своего зятя. С другой стороны, из дальней, пятой комнаты, выходил ее внук, вставал в соседней проходной комнате мой кум Паша, что приезжал из соседней деревни, учась на заочном отделении. Дом оживал, бродил полусонно.

Иногда были стычки. Мой кум органически не выносил бывшего моряка балтийца Костика, мелкорослого внука нашей хозяйки. Однажды в утренней полудреме с какой-то чертовой заковырки на ровном месте заварился спор двух неплохих русских людей, поднявших глобальную проблему. Суть состояла в том: а нужна ли городу Петербургу величаявая приставка Санкт? Один уверял, что нужна, а другой с пеной у рта утверждал, что – нет! В первых лучах солнца еще летали в моей проходной комнате кружева не осевшей золы, а два горячих парня разных весовых категорий стояли друг напротив друга, по-петушину расколесив груди. Один – наполовину латыш, другой – наполовину немец, два русских человека. Осознав всю серьезность происходящих событий, я поспешил встрять между двумя бойцами, но опоздал. Кум по-деревенски наотмашь припечатал в ухо задиристого морячка, и тот в мгновение ока оказался под печкой в зольнике. И когда я его вытаскивал на улицу, он, вытирая зольно-окровавленное лицо, еще шипел, скрипя зубами: «Санкт, Санкт, Санкт!» Так начиналось утро в самом центре города на улице Тохтарова, 66. В тот же день Паша вынужден был покинуть эту квартиру. Я тоже подумывал об уходе на новое место жительства

от этого полусумасшедшего кочегара, звящего кочергой по утрам, от вечно подзревающей своих домочадцев в каком-нибудь крохотном воровстве столетней старухи. От ее внуков и правнуков и другой многочисленной родни, шастающей весь день напропалую по дому.

Как-то вечером, когда в доме никого не было, кроме меня и бабушки Лены, она позвала меня в свою комнату. Комната была довольно просторной и чистой, в дальнем углу стоял стол и светила настольная лампа. Она попросила меня позаниматься в ее комнате, а то ей в последнее время жутко оставаться одной. Я согласился. Она лежала на своей кровати, не смыкая глаз, а я готовился к занятиям. Прошло несколько часов, и я пошел к выходу. Бабушка меня остановила вопросом: «А ты ее не видел?» «Кого ее?» – не понял я. «Да девушка в белом только что опять приходила, посидела на этом стуле да пошла себе...» – «Нет, не видел». Видать, смерть приходила к старушке.

Вскоре я с бабушкой рассчитался и подался опять на знакомую мне квартиру к Ковригиным, тем более, они меня давно уже звали. Я снова расположился на той же кровати. Вещей у меня было немного: сумка, две гири-двадцатьчетверки да немного деревенских продуктов. Снова потекла моя жизнь по прежнему руслу. Только вот дядя Женя казался грустнее – он уже больше месяца как не получал от Юрки никаких известий. Тут я вспомнил, что вчера показывали арматурный завод по телевизору.

– Дядь Женя, Вас вчера по телевизору показывали!

– Во сколько это его?.. Я вроде вчера все программы смотрела, только вечером отлучалась – ходила в гости к соседке Анне Николаевне, – поинтересовалась Анна Федоровна.

Дядю Женю интересовало другое:

– Я там хоть не пьяный?

– Вроде нет, незаметно было. Но смотрелись – орлом!

– Ну, это у меня не отымешь! Что есть, то есть, – без лишней скромности подержал разговор Евгений Степанович.

Тема распада Советского Союза долго будоражила умы людей, так и не понявших, а почему его, собственно, не стало, если все, кого ни спроси, голосовали за Союз. У Ковригиных, где пальму первенства в политике держал Евгений Степанович, свое мнение имела и Анна Федоровна.

Высказывалась она по-простому:

– Вот американцы... Какая тут дружба, когда наган за пазухой?!

Или:

– Завоявывали они его, этот Союз, чтобы так, с кондачка, разбазаривать им, добром народным, как наворованным барахлом?

Да, многое изменилось в мире за последние годы. Кое-что изменилось и в семье Ковригиных. Но самые большие изменения уже стояли на пороге.

Конец ноября. Утро. Дяди Жени дома нет, он уже ушел куда-то. Я учусь с обеда, поэтому никуда не тороплюсь. Слышу, как баба Аня, глядя в зеркальце, негромко, чтобы не разбудить меня, перечисляет свои недостатки: «Как обезьяна обросла... Слепа, глуха. Сроду не думала, что такая старость меня обуявит. Никогда не мечтала». Крупными ножницами она пытается состричь белесый пух на подбородке.

Выстригает клочками одуванчиковые колечки, позвякивает ножницами. Шепчет: «Вот и жизнь промчалась мимо!» Добавляет чужое: «От жизни надо брать все!» Вот уж, думаю, кто взял от жизни все, вот уж хлебнул человек горького до слез! И жаль мне ее, сердечную, давно ставшую мне родной старушку. Лежу, молчу, свои думы, как четки перебираю. Анна Федоровна беззлобно ругает своего Женьку: «Скотина безрога, никакой вежливости, никакой должности. Собака, навязался на мою голову. Угробил уже, ково говорить...»

Я поднялся с постели, пожелал доброго утра.

– Баба Аня, а какое сегодня число? Не двадцать седьмое случайно?

– Да вот точно не помню, сбилась со счету.

– А я Вам точно скажу, что сегодня двадцать седьмое ноября, и поэтому поздравляю Вас с днем рождения!

– Как? С днем рождения? – изумилась забывшая про свой праздник старушка.

Я подошел к Анне Федоровне, поцеловал ее в щечку и подарил крестик, о котором она давно мечтала. Я специально ездил в церковь, чтобы сделать ей подарок. Бабушка несказанно обрадовалась и, взяв меня за руку, попросила, чтобы я еще раз ее поцеловал. Желание именинницы было выполнено. Она светилась от радости.

Был накрыт на скорую руку небольшой праздничный стол. Баба Аня вынула откуда-то из глубины холодильника соленых грибов и вишневое варенье, припасенное на такой случай.

Угощала меня, размечтавшись:

– Я бы та-а-к чаю попила с этими, с обливными пряниками!

На учебу я отправился пораньше, пошел пешком. Дойдя до площади Ушанова, я заглянул в книжный магазин «Букинист». Взял невзрачное издание книги «Самопознание» Бердяева и прекрасное для того времени издание «Из литературного наследия» стихов Андрея Белого. Андрей Белый у меня уже был, стихами его я не бредил и никогда ему не подражал. Но эта книга стала неплохим подарком моему другу, журналисту Диме Крюковичу, с которым я познакомился, когда нашу литературную студию «Устье» пригласили в Шемонаиху на Гребенщиковские чтения. С тех самых пор и началась наша дружба. Я ценил философа Димыча за его необъятный кругозор, культуру и начитанность. Он не распылял свое внимание на мелочи, имел прекрасную память, быстро прочитывая объемные тома, выцеживал из них самую суть. Мысли излагал коротко и доступно. Знания свои никогда не выпячивал наружу и не кичился ими, хотя интеллектуальный багаж его был весьма весомым. Легко и свободно он мог изложить порой совсем непонятные и запутанные философские идеи. Это меня в нем и притягивало. И казалось, что нет такого вопроса, на который бы Димыч не дал ответа. Уже тогда у него имелась прекрасная библиотека, из которой он мне всегда дарил что-нибудь стоящее. Так, он открыл для меня творчество японцев, которых мы обошли стороной в институте. Ненавязчиво Димыч подтолкнул меня самостоятельно изучить дополнительный курс литературы, вскормленной молоком русской классики, это – Акутагава, Мисима, Оэ, Кавабата, Абэ, Гомикава, Такубоку... А также увлек философией, в которой мои познания ограничивались Фридрихом Ницше. И – редкая в ту пору монархическая литература – Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Иван Ильин, Лев Тихомиров... Все это – благодаря моему другу Димычу.

В тот вечер я возвращался с учебы, неся в руке томик Акутагавы в тонком переплете и пакетик с «обливаемыми пряниками», ведь день рождения у бабы Ани еще не закончился. Было еще не поздно. Я открыл дверь своим ключом. Но в доме уже спали. Станным показалось, что дядя Женя лег спать в такую рань. Не пахло алкоголем, не слышны были сквозь сон его выкрики. Он тихо лежал без сна, укутавшись в свою горькую думу о сыне.

39

Весь следующий день Евгения Степановича не было дома. А вечером выяснилось, что он взял отгулы на несколько дней и провел их в поисках сына. Один день он затратил на поездку в злополучную базу отдыха «Айна», на которую летом уехал работать Юрка. Там ответили, что летом появился чернявый симпатичный парень, все с девчонками крутился, поработал недолго и незаметно исчез. Что только в голову не приходило Евгению Степановичу! Юрка мог запросто утонуть: сколько на Бухтарме народу перетопло! А мог с девчонками закрутить и, не сказав ни слова, как это у него обычно было, уехать куда-нибудь подальше. Но даже в этом случае он уже подал бы о себе весточку. Уже зима на дворе, а от него ни слуху ни духу. Значит, случилось что-то серьезное. Что думать? Где искать сына? Что он ответит жене, перед которой он и без того виноват за сломанную ее судьбу?

Вечером дядя Женя, скрутив «козью ножку», курил, стоя у форточки. И есть-то толком не ел. Нового он ничего сказать не мог. Единственное, что сегодня в очередной раз побывал у прокурора.

– Прихожу к прокурору, а тот на меня ворчит, мол, надоел я ему. А я ему говорю: «Я ведь не котенка потерял, а сына!» Тот зубами скрипит: «Найдется рано или поздно». Вот и весь разговор.

Вечерами дядя Женя ложился рано, но было слышно, что не спал, ворочался с боку на бок. После работы ходил к знакомым, с которыми когда-то сидел в тюрьме, пробивал по «блатным каналам», может, кто-то где-то что-то знает. Но пока бился о глухую стену.

В городе творилось чёрт знает что. Автобусы ходили очень плохо и шли переполненные, повсюду постоянная ругань, зуботычины. В магазинах шаром покати. В продаже – только консервы из морской капусты, килька и минтай. За спиртным – убойные очереди. Как-то, прогуляв занятия, мы толпой студентов решили купить спиртного. Поодиночке купить тогда водку было нереально. Побеждали молодые и сильные. Мы простояли в жуткой давке несколько часов и закупили бутылок по десять «Тархунной» настойки. Всем нужно было как-то выживать, и свою долю я решил перепродать с небольшой накруткой. Бизнесменом я был начинающим и потому оставил сумку с товаром под присмотр дядя Жене, а сам поехал в гости к родителям на несколько дней. Когда я вернулся из деревни с провизией, то обнаружил, что сумка пуста, а водка выпита самим Евгением Степановичем. Тут уж, как говорится, «не до навару, вернуть бы свое». Пришлось войти в положение близкого человека, который компенсировал мне мои затраты без учета «навару» с очередной полочки, одним словом, получился у меня «русский бизнес».

Незадолго до Нового года Евгений Степанович где-то в очереди нарвался на добрый кулак и несколько дней ходил с фиолетовым синяком под глазом. Сразу после драки он проскочил в свой двор, вызвал младшего брата Бориса, и они

побежали ловить обидчика. Еще не хватало, чтобы кто-то на родной «Комендантке» обижал местных! Часа два эта возбужденная парочка искала залетного хулигана. Картина была довольно смешная: впереди торопливым шагом почти бежал среднего роста седовласый пожилой мужичок, высматривая чужака среди прохожих, а за ним, едва поспевая, ковылял высокий и широкоплечий мужик, прихрамывая на большую ногу. Вдоволь набродившись по окрестностям, они разошлись по домам, так и не найдя незнакомца.

С прищуренным фиолетовым глазом дядя Женя курил махорку у окна. Еще посматривал во двор, надеясь увидеть того, кто ему подкрасил глаз. Настроение у него было сумрачным. Все уличные события он напрямую связывал с властью, которая не управляла, а нарочито ухудшала жизнь собственного народа.

– Я их заставлю, что такое власть... И этому Ельцину, бульдогу, я покажу! Я сам могу кому угодно историю преподать.

«Козья ножка» задымила и потухла в его трясущихся руках.

– Вам жить, а я-то отжил свое... А перестройка должна быть не такая! Пусть сверху меняют: не справляется – убрать! А что нас внизу перестраивать. Ты что меня перестраиваешь! Я как работал, так и работаю. Еще в придачу сделал войну в каждом государстве.

Дядя Женя по известным причинам был в этот вечер не в духе и лег спать намного раньше обычного. Из сумрака комнаты вышла на свет в своей ночной рубашке баба Аня.

– Уже теметь эта надоела до тех пор, что жить не хочется. Летом хорошо, тепло, птички поют, даже воробышки веселее вроде летают. А энта зима – не переждешь, когда она закончится. – Баба Аня набрала из-под крана воды, запила таблетку: – Теофедринку съела. Глицеринку давеча под язык положила. А ты читаешь? Правильно, надо учиться.

Она ушла по сумеречному коридору, и слышно было, как тяжело заскрипела кровать под тяжестью ее тела. Каждая новая зима переносилась старым человеком тяжелее предыдущей. Анна Федоровна тогда не знала, что осталось у нее в запасе всего три зимы.

Вскоре после стычки у «Жастара» с неизвестным мужичком Евгений Степанович где-то раздобыл отличный топор. Разрубая мясную кость, я заметил, что он очень острый.

– Как бритва топор, – похвалил я новую вещь.

Дядя Женя на похвалу отреагировал по-своему:

– А это я, чтоб даже не рубить. Провел по шее и все...

К несчастью Евгения Степановича или же, наоборот, к счастью, наш разговор был услышан его матерью. И вскоре топор исчез из-за холодильника, где его прятал хозяин. Дядя Женя в то утро был на работе, а баба Аня ходила с ним по дому в поисках укромного места, куда бы не додумался добраться сын.

При мне она спрятала его под свою перину:

– Чем черт не шутит, когда Бог спит!

В этот день дядя Женя пришел с работы поздно, и ему было не до топора, поэтому пропажу своей вещи он не обнаружил. Зато я, укладываясь поздно ночью на свою кровать, вдруг ощутил, что спать не совсем удобно из-за того, что какая-то вещь лежит под матрасом в ногах. Меня не сильно удивило то, что топор перекочевал из-под перины старушки ко мне на кровать. Я отдал должное уму

бабы Ани. Ведь ее кровать он мог перевероршить без спроса, а кровать чужого человека и все вещи – табу для человека, имеющего тюремный опыт за плечами. Она наверняка знала, что я все равно обнаружу находку, но ей было стыдно предложить мне напрямую такое дело, ведь прятала она топор от родного сына, который своими выходками вынуждал ее обезопасить себя и людей от неприятностей. Она знала, что я не выдам ее, и это стало нашей негласной тайной. Все спали, и я не боялся, что меня заметят. Вытащил топор и переложил его тут же в более удобное для меня место на кровати, вспомнив детскую кричалку, когда играли в прятки: «Топор, топор, сиди, как вор». И еще вспомнил сказку о принцессе на горошине. Сравнение получилось убогонькое. «Студент на топоре» – это уже не сказка, в этом есть что-то от Достоевского. Это меня почему-то рассмешило. Вскоре я приспособился к топору под матрацем и перестал замечать такую мелочь, проспав не один месяц на нем.

Пропажа топора была обнаружена вскоре. Дядя Женя расхотелся не на шутку и учинил допрос виновнице случившегося, своей матери. На меня, естественно, он даже не подумал, хотя я был косвенным соучастником «воровства». Разговоров хватило на несколько дней. Но мать достойно выдержала нападки сына, откровенно отпирываясь от исчезновения вещи, которая могла стать оружием в его руках.

В одну из зимних ночей Евгений Степанович, мучимый дурными снами, поднялся со своего дивана и вышел ко мне на свет, когда я в кухне сидел за книгой. Он закрыл за собой кухонную дверь, чтобы не разбудить разговорами мать, пошарил по буфету руками, оторвал клоч газеты и насыпал в нее махорку. Курил в открытую форточку, стоя у незашторенного окна в одном нижнем белье. От него еще исходил похмельный дух. Он молчал, глядя в окно, размышляя о своем. Я сидел над книгой, готовясь к экзамену. Докурив, Евгений Степанович сел на табурет.

– Что натворили-то...

– Кто? – я пытался прояснить, о ком идет речь.

– Да эти, разрушители... Смотри, какой хаос кругом учинили. Что творится на заводе, уму непостижимо. А он идет себе спокойненько и говорит мне «Здравствуйте», рыжий этот, генерал наш, – речь шла о его генеральном директоре. – Завод растаскивать стали, а ему хоть бы хны. Или, скорее всего, сам участвует в этом, я так думаю. Но я до них доберусь. Хоть бы еще пару лет завод простоял, мне ж на пенсию надо. Я-то доживу, а вот протянет ли завод наш, вот в чем загвоздка. Там у нас пожилая кладовщица работает, фугует направо и налево. Я ей говорю: «Э, девочка, что ты делаешь!» А она пальцем вверх показывает: «Мне Сам дал указание». Директор, значит, в курсе. Вон в чем дело, оказывается. Рыба гниет с головы. Правильно сказано: народ не обманешь! Еще когда Горбач заступил на пост, я сразу его понял. Если плешивый сделал так, значит, до свиданья, бабушки, отшептали пчелочки. Я бы сам прикончил его тем мессером, что бабка спрятала. Там сталь такая – никогда не дрогнет. Я бы его расчленил даже, врага народа. Когда он еще стал править, я сразу бабке говорю: «Он сдает нас! Он сдает нас, Америке даже!» Я за себя не шибко переживаю – пожил вволю, всякого видывал. И дальше проживу. А вот как внук мой жить будет, вот в чем дело!

Я слушал, отложив в сторону книгу, и молчал про топор, который дядя Женя называл «мессером». На столе лежала тетрадь и ручка.

Он ткнул пальцем в их сторону:

– Так и пиши: «Предал партию, поэтому на суд не появляется». Мне до лампочки, пусть меня хоть сегодня уведут.

Он закончил свою речь, сказав самое важное, как ему казалось, и пошел спать. Рано утром ему надо было идти на работу, где творились хаос и неразбериха.

40

Пошел второй год, как исчез Юра. Никаких известий. Как в воду канул. Я по-прежнему жил у Ковригиных и учился на пятом курсе. Учеба на филологическом факультете мне нравилась. Я начал работу над дипломной работой, которая называлась «Образ России в русской поэзии конца XIX – начала XX веков». Научным руководителем у меня была замечательная Алма Ахметжановна Джилкибаева. Столько нового и интересного я узнал у нее. Я тогда еще не понимал, какой подарок жизни я получил из ее рук. Образ России стал центральной темой моей души. Эта тема и сейчас волнует меня больше всего на свете.

В самом конце осени, когда уже лежали снега, произошло событие, изменившее и наполнившее мою жизнь новым светом. Я повстречался с Натальей. Это была необычная встреча, не потому, что произошла именно со мной, а потому, что было в ней что-то такое, неподвластное обычному человеческому течению вещей, как это обычно и бывает в таких случаях. Это событие связано с городом Лениногорском, теперь уже Риддером. В этом городе жила моя двоюродная сестра Люба. Она работала на трикотажной фабрике и жила в малосемейном общежитии. Когда-то в этом городе жил и мой двоюродный брат Борис. Его домишко стоял на другой окраине города – на улице Полярной. Иногда я к ним приезжал в гости. И не раз, бывало, проходил от трикотажки на Полярную пешком мимо автостанции, мимо дома, где жила моя будущая жена. Те годы мне запомнились жутким дефицитом товаров, повальным пьянством, отравлениями разного рода спиртами и самогонами, бесконечными суицидами, драками и всеобщим бардаком. На Полярной у брата мне посчастливилось купить у какого-то доброго спекулянта легкую обувь. Стоила она тогда бешеных денег – целых 25 рублей. Тапочки были ярко-красного цвета и не были похожи ни на туфли, ни на кроссовки. Подкупала их легкость. Как позже оказалось, это были тапочки для усопших, перекрашенные из белого цвета в любимый мной красный. Но и такую обувь тогда нужно было еще суметь достать. Целый сезон я проходил в этих «модночих» тапках.

Той заснеженной замечательной осенью я договорился с другом, который окончил в этом году исторический факультет, отправиться на поезде в Лениногорск в гости. Он ехал со своей женой Светланой. Именно тогда, по задумке Рената, так звали моего друга, меня должны были познакомить с Натальей, школьной подругой его жены. Но в планы вмешался мой двоюродный брат, и мы уехали на день раньше, на автобусе. Погостив два дня у сестры, мы отправились в обратный путь на вечернем пригородном поезде. Полпути я простоял в битком переполненном поезде. На боковой нижней полочке весело разговаривали две девушки. Брат Борька показывал на них глазами и подталкивал меня протиснуться ближе к ним. По всему видно было, что это студентки. Но предлога для того, чтобы познакомиться, я не находил, голова не работала. Мой брат, имевший за плечами не одну «ходку» и умевший найти любую ниточку к слабому полу, подсказывал

мне: «Начни хоть с чего... С самого простого. Скажи девчонкам, может, им воды принести. И все такое...» Заметив, что возле студенток освободилось место, я тут же присел с ними рядом. Это вызвало неудовольствие у Натальи, к тому же я сначала ей совсем не понравился. Какое-то время я сидел немтырем, не зная, с чего начать. А когда услышал разговоры про институт, то тут же меня прорвало. Так мы и познакомились, они оказались студентками исторического факультета и учились курсом младше меня. По сути, родные люди, ведь раньше был один факультет – историко-филологический. На станции «Защита» нас ждал Александр, муж Веры, Натальиной однокурсницы. Он увез нас в город. С этой поездки во мне родилось новое большое чувство. На следующий день я позвонил своему другу Ренату, с которым должен был ехать в Лениногорск, чтобы справиться, не знает ли он случайно с их исторического факультета девушки Натальи с четвертого курса.

– А фамилию ты у нее не спросил?

– Спросил, но забыл. Знаю, что что-то большое или здоровое звучит в ней.

– Здоровцева?

– Да! Точно!

– Серега, это судьба! Мы тебя хотели познакомить с ней по дороге в Лениногорск, она – подруга моей жены. А ты сам с ней познакомился на обратном пути. Это судьба!

Да, действительно, в этом что-то было не от нашего мира. Ведь я мог сесть в другой вагон или приехать в другой день на автобусе.

Мой восторженный вид не могла не заметить подслеповатая баба Аня. Она сразу же разгадала мое сердечное настроение.

– Никак наш Сережка влюбился!

– Кажется, наповал.

И я поделился тайной с бабушкой, давно ставшей мне родным человеком. Вот уж кто искренне радовался за меня и поддерживал!

– Дай Бог счастья! Это хорошо, что нашенькая девочка. Дай-то Бог...

41

– Ну, якуты, ну, якуты! Всю жизнь то в снегу, то в погоне, – баба Аня смотрит телевизор, по которому показывают Якутию, и удивляется.

Я эту ночь не ночевал дома. Так уж получилось, не мог предупредить хозяйку. Она, конечно же, за меня волновалась. Извинившись за доставленное беспокойство, я поинтересовался:

– Дядя Женя-то вчера не буянил?

– Даже ни разу не обозвался. А я ночью ходила, шупала кровать – тебя нету. Женька тоже дома не ночевал. Я всю ночь путешествовала по комнате, вас дома никого нет... Утром, когда он появился, я ему сказала, что ты из-за него не пришел. Думала, вы с Натальей уже в Лениногорск хабарызнули. Женька, какой ни есть, а тоже переживает за тебя. А как у тебя дела?

– Отлично. Был с Натальей. Разумная девчонка. Ничего лишнего.

– А что безобразничать, правильно. Потом обижаться всю жизнь на себя будешь. Сколько этих девчонок у меня на квартире пережило, все хорошие были. У одной, правда, подруга была, Соколова по фамилии, та отрывала номера. А из моих девчонок, что у меня на квартире жили, только одна девочка оплошала.

Она умна и мастерица на все руки была. Толик ее ночью приехал и забрал на похороны отца. Похоронили, потом, видно, там и сотворили. Он ее бросил. Она уехала в Зыряновск, там вышла замуж и родила еще сына.

Наступал Новый год. Я зашел на переговорный пункт, чтобы поздравить родителей с наступающим праздником. Народу было много. Я заказал переговоры и сидел в ожидании вызова. Вскоре вошла красивая женщина в дубленке с башлыком на голове, но дверь за собой не закрыла.

Мужчина, что сидел неподалеку от выхода, окликнул ее:

– Женщина, вы забыли закрыть за собой дверь!

Она равнодушно посмотрела в его сторону:

– Здесь затхло и плесенью пахнет...

Мужчина недовольно покачал головой. Она подошла к окошку, посмотрела в него, обошла стол и пошла к выходу. Непонятно было, а зачем она сюда заходила? Она походила на сомнамбулу, движущуюся по своей траектории, не отдающую отчета своему движению.

Перед тем как уйти, она подошла к мужчине, что сделал ей замечание, и сказала ему:

– Гуляйте на улице, там свежо! – Выпрямилась, чтобы уйти, но опять, словно что-то вспомнив, обратилась к нему: – Вы сами себе мешаете. – И ушла, снова не закрыв за собой двери.

Мужчина опять покачал головой, ничего не поняв из ее странных слов. Да и никто из собравшихся тут ничего не понял: «А к чему вообще она это сказала?» Мужчина встал и закрыл за ней дверь, чтобы не несло холодом с улицы.

Таких странных людей с изломанной психикой в то время немало можно было встретить в городе.

Новый год мы встречали с семьей Ульрих: Александром и Верой, с которой Наталья была в поезде в день нашего знакомства. Утром, когда я пришел домой, то увидел интересную картину – на моей постели валялась упавшая со стены полочка с книгами, что до этого висела над моей кроватью. Баба Аня специально ничего убирать не стала.

– Мы с Женькой проснулись в пять утра от грохота. Включили свет, а тут полочка обвалилась, ты же книг на нее много уже набил. Это хорошо, что Наталья тебя увела, как чувствовала. А то б не калекой, то дураком точно сделало б тебя это обрушение. Значит, будет она тебе всю жизнь ангелом-хранителем твоим, – заключила моя добродушная хозяйка.

Подремонтировав полочку, я снова водрузил ее на прежнее место, переложив часть книг в другое место. Наш новогодний праздничный обед не сильно отличался от обычного, с продуктами было по-прежнему туго. Но и этому была великодушно рада моя хозяйка.

– Спасибо, хорошо пообедала. Жаль, хлебушко теперь стал бедненький, даже в рот не лезет, исковеркали весь.

Она убрала посуду со стола, вытерла клеенку.

– Вот только кругом такая дороговизма. Сахар уже по 141 рублю за килограмм, и то его нет. Даже-дажечки ничего не съешь теперь. Ладно, яблочки дороги стали, так они сметану и творог у людей забрали.

Из комнаты выскочил дядя Женя, словно его укололи цыганской иглой:

– Это папа все, твой любимчик, Иудушка Горбачев натворил. Я сразу его понял, что он не туда повел. Враг народа он! – и снова исчез в комнатушке.

В эту зиму бабе Ане частенько казалось, что кто-то стучится в дверь. На каждый шорох она спрашивала: «Кто там?» Не дождавшись ответа, шла к двери, открывала. В пустом проеме двери гулкая стояла тишина, на окнах колыхались шторы, потревоженные сквозняком. Бабушка закрывала дверь, незадачливо улыбалась тому, что в очередной раз обозналась.

Как-то к вечеру она почувствовала себя неважно: «Расклеилась я, расписалась совсем». И раньше легла спать. А ночью бабе Ане показалось, что она провалилась в кровать, полетела в какую-то пропасть. Она вскрикнула и разбудила дядю Женю, который со сна начал ругаться. Я тоже проснулся на вскрик.

В темноте мать оправдывалась перед сыном, что чуть не умерла:

– Вот обнесет голову, прямо как буран подует. Кровать прямо подо мной переворачивается... Током каким-то ударит, и в омут какой-то летишь. Разве я от себя кричу? Я от себя бы так не смогла кричать.

Все чаще я стал возвращаться домой поздно ночью, когда Ковригины уже спали. На этот случай у меня был свой ключ. Я открывал дверь и, не включая света, на ощупь пробирался к своей кровати.

Однажды, когда я уже спал, сквозь сон почувствовал, что кто-то коснулся лица рукой. Рука была легкая и гладкая. В белой ночной рубашке со светлым пятном головы старушка напоминала собой призрак. Еще раз провела по моему лицу рукой, чтобы убедиться, что не ошиблась, пробормотала: «Ну, слава Богу, дома».

Однажды утром баба Аня, зная, что у меня серьезные отношения с Натальей, и обычно относившаяся к моим вечерним прогулкам сдержанно, стала меня распекать:

– Не следует тебе ночами шорохаться. В городе чёрт-те что творится. А что я твоей матери скажу, если не уберегу тебя? У тебя сейчас в голове любовь, а в городе убийства творятся.

Я недоумевал и не узнавал бабу Аню, которая со мной всегда говорила сдержанно. Она, увидев, что я не в курсе дела, в эмоциональном порыве продолжала:

– Весь город на ушах стоит после вчерашнего. Хоть бы война не началась...

Мне стало совсем непонятно, о чем идет речь.

– А что, собственно, произошло?

– По телевизору объявили, что вчера в общежитии возле автовокзала четверо чеченов убили четырех казахов. С особой жестокостью. Теперь из города выселяют всех чеченов. Разломали Союз, изверги! Кругом кровь пошла. И до нас докатилось. Я бы сама расстреляла их, даром что слепа!

В городе пахло кровью. Везде только об этом и говорили. По дороге в институт я шел со своими сокурсниками. В самом центре, возле памятника Ушанову, мы увидели толпу людей, заполонившую всю Космическую улицу. Она напоминала собой мощную волну, цунами. Толпа направлялась в Овечий Ключ, где жили чеченцы.

Вечером дядя Женя тоже настоял на том, чтобы я никуда не ходил. Он много курил в тот вечер, задумчиво глядя в ночное звездное небо. Словно разговаривая с темнотой, без надежды на справедливость, он с горечью в голосе отчетливо ронял слова:

– Тут четверых убили чеченцы, так из-за них весь Овечий Ключ выселяют. А этот, лысый, Родину предал, и ему ничего...

Чудом избежали тогда люди пролития крови. Город прошел по лезвию бритвы.

42

Той ночью трижды прибежал сумасшедший мужичонка из соседнего подъезда, трезвонил в нашу квартиру. Все лицо у него в крови, смеется, подергивается стоя у проема дверей. Сквозняк шипит, вытягивая наше тепло в подъезд. Дядя Женья, как изваяние, стоит в семейных трусах перед ним, заслонив собой дорогу в квартиру, куда бы тот с удовольствием проскочил. Разговор у Евгения Степановича короткий, дальше некуда: «До свидания!» Тот, радуясь, кричит в ответ «до свидания» и, бултыхая по ступенькам незашнурованными башмаками, убегает в сумерки подъезда.

– Там кто? – спрашивает недовольная старушка.

– Дед Пихто! – отвечает ей в рифму сын и ложится на диван. – Скоро опять прибежит. Он по разу не бегает. Если уж начал, то весь дом на уши подымет. Добро колотушек наскребет за эту ночь.

– Весь сон изломал! – бурчит баба Аня. – Неугомон какой-то.

– А чо ему не бегать, когда он сумасшедший. Как луна заарканит его или солнце задымится не в меру, он начинает двигаться, словно ему скипидару плеснули на каменку. Обострение.

– Почему ж его не пристроят в заведение?

– Там тоже бардак. Во всем мире бардак. Ось земную сдвинул этот лысина с проплешиной и его бесовская свора. Ты понимаешь, мать, о чем я толкую?

– Как тебя не понять. Горбач виноват, а зубами на меня скрипишь.

– Собственно, на кого мне еще скрипеть зубами? А тому, черту лысому, я бы этими зубами глотку перегрыз в шесть секунд, попадись он мне. Дел натворил, и ему хоть бы хны. А этот, сумасшедший, думаешь, чьих рук дело? Мужик работал на комбинате как белый человек, семья и прочие удовольствия у него были. Теперь ничего нет. Кому «спасибо» надо сказать?

– Ты бы, Женька, уж спал бы и не ершился с этой политикой. Ты б не трогал меня, а я то уж тебя точно не трону. Итак головушка кругом идет.

– А чо спать-то, сейчас опять этот прибежит, из соседнего подъезда.

Еще дважды прибежал сумасшедший, пытаясь просочиться к нам в щель между дверным косяком и костистым бедром дяди Жени, и дважды убегал, повторяя волшебное слово «до свидания».

С утра бабушка встала с обычной головной болью: «Кошмар, совсем расписываюсь. Изломал сон, бедолажка...» Кое-как позавтракав, она улеглась снова на кровать, а мы с дядей Женей отправились на базар. Вослед баба Аня назидательно бормочет: «Вы рядитесь там, на рынке, зря не кидайтесь!»

Возле дома, на остановке «Жастар» – уйма народа. С бензином в городе напряженка. Автобусы ходят редко. С десяти утра до четырех часов дня вообще не ходят. Мы решили пойти на трамвай, по крайней мере, трамваи ходят чаще. Пошли через площадь Ушанова вверх по проспекту Ленина до самого Дворца спорта. Пока ждали трамвай, разговорились со стариком. Ему 82 года, но он крепок собой. Немец, работал в трудармии, судьба немало его потрепала. Показал на руке жирную наколку «Дуся». Голос помягчел, когда он говорил об этой женщине: «Это

моя жена. Я до сих пор ей пишу. Но у нее своя семья, а у меня уже бабка другая...» Тронул до самого доньшка сердца этот случайный старик. Неробкий, по всему видать, человек. Мы пропустили его вперед, когда протискивались в трамвай, в гущу народа. А там – битком, не пошевелиться. Следом за нами замерзшая бабка в шали, радуется, что ее впихнули: «Два трамвая пропустила, не пробраться. А этот... Не успела на подножку ногу поднять – уже засунули, нашлись хорошие люди!» Рассмешила признанием молодежь. Дед с седой бородицей говорит: «Он налезло-то народу, как чебаков в торбочку». На промерзшем, опушенном инеем стекле надпись пальцем: «Терпите, люди, скоро лето!» У другого стекла старушка процарапывает пальцем замороженное окно, увлечена этим делом. Повернув лицо от стекла, с улыбкой признается: «Прошкарябаешь, а оно следом замерзает». Тепло оттого, что все прижаты друг к другу. Прижмешься к какой-нибудь груди или спине, разговариваешь о жизни и к концу поездки становишься родным человеком. Только на остановках, когда выдвигается огромная дверь, обдает холодом, особенно бодро несет сквозняком по ногам. На «Центральной сберкассе» водитель забыл отключить микрофон, и он оглушающе шипит. Бабушка пытается крикнуть в громкоговоритель, но бесполезно. До следующей остановки ехали, как в камере пыток, шум не прекращался. Впереди парень, чтобы не раздавить букет в давке, закинул его себе на плечо. А девушка, прижатая к нему со спины, подняла лицо и осторожно вдыхает запах чужих цветов. На повороте возле кинотеатра «Юбилейный» трамвай колыхнуло, и нас стало плющить друг о друга в давке. Бедная девушка, в давке была прижата толпой к спине того молодого парня, что vez цветы. Когда стало немного свободней, у него на курточке четко отобразился отпечаток ее ярко накрашенных губ. На этой остановке вышло немного народу, но вошло еще больше. Одной из первых толпой занесло внутрь согбенную древнюю старушку. За ней по рукам, как челноки, поплыли ее новенькие валенки, которые остановились на мне. Вслед за валенками сердобольные люди, кряхтя, из рук в руки, передавали ее же тяжеленную сумку. Но ставить сумку было некуда, а держать в руках ее было не каждому под силу, и потому ее примостили, как на подставку, прямо на спину согнутой в три погибели старушонки. Та, молча, сносила муки навалившихся годов и тяжесть поклажи. Пришлось снять со старушки, притертой ко мне вплотную, и эту обузу. В одной руке у меня были ее валенки, в другой – сумка. Держаться по причине занятости рук я не мог, да и незачем было, так как нас было набито битком – поболее, чем селедки в консервной банке, и потому меня колыхало вместе со всеми в такт движению трамвая. В давке эти валенки приплюснуло мне к лицу, со стороны я, наверняка, был похож на какого-нибудь барахольщика. Увидев меня в такой немислимой позе, кто-то сострил, что и старушонку надо было бы до кучи взгромоздить на меня, чем вызвал добрый смех стиснутого в единый слиток люда. С другой стороны, приплюснутые ко мне, стояли две весьма душевные и отзывчивые старушки, что были намного моложавей моей согнутой соседки справа. Одна из них рассказала мне анекдотичную историю, свидетельницей которой она оказалась на днях, чем добавила смеха в нашей части трамвая.

– Такой же, как ты, молодой паренек нашел в магазине бабкин кошелек. Отдал ей, а та от радости возьми да и выпали ему вместо обычного «спасибо»: «Да земля тебе, сынок, будет пухом, да Царствия тебе Небесного!» Вот рассмешила весь магазин. Сказала как закопала.

Так вот, в тесноте и общении с народом, мы и доехали до рынка. Торговаться я тогда не умел, а цены были большие. Сделав нужные закупки, мы возвращались обратно. Ехали на автобусе. В нем сначала было немного свободной, чем в трамвае. Автобус едет быстро, его кидает из стороны в сторону, трясет. Мужичонка уцепился за компостер, а пробить билет никак не может, не попадет им в щель. Лишь когда автобус встал на остановке, сердобольная женщина ему посоветовала «Сувай, пока стоит!» Пробив билет, он поблагодарил незнакомую женщину. На Дворце спорта автобус наполнился до отказа. Молодая крепкая женщина, уцепившись за поручень, висит в открытой передней двери. На передней площадке пьяный в стельку мужик не может понять, где он едет, не узнает города и решает выйти на ближайшей остановке. Его пропускают на выход. Там, на самом выходе, слышен крик девушки, что висела всю поездку в приоткрытых дверях: «Ты гляди на него, еще и целоваться лезет!» Этой репликой рассмешила весь автобус. Набравшись впечатлений от поездки, мы с хорошим настроением возвращались к подъезду, от которого только что отъехала скорая помощь. Как мы и предполагали, она приезжала к бабе Ане. Войдя в дом, дядя Женя сразу же спросил: «К тебе что ли, мать?»

– Ко мне. Вон всю руку опять расковыряли. А эта врачиха, ужас какая не приветливая. Зайдет молчана и уйдет молчана. Слова лишнего не проронит, абы живой при ней был.

– Ну, так-то с виду, ты, мать, бойко выглядишь, я бы даже сказал, очень бодро. Пошто людей мучишь вызовами своими, лежи себе, давление само придет в норму, и руки не расковыряны будут.

– Ишь, советчик нашелся с докторской диссертацией в кармане, – отреагировала мать на замечание сына.

– Настроение у меня, мать, сегодня шибко хорошее. Вот те, у кого настроение не очень, сегодня лишаются картошечки с мойвой, правильно я говорю? – обратился ко мне дядя Женя и стал чистить картошку.

Я вошел в комнату, чтобы переодеться. Баба Аня лежала на кровати и глядела в потолок. Когда я проходил мимо, она рукой остановила меня.

– Чем он там занимается?

– Картошку чистит.

– А! Ну, слава Богу! Значит, настроение у него хорошее. Пусть чистит.

Этой ночью я проснулся оттого, что Анна Федоровна долго шелестела целофановым пакетиком, доставая лекарство. Запила таблетки водой и, усевшись на кровать, стала растирать сухие ладони. Шуршание сухих ладоней отчетливо слышалось в густой тишине. Бессонница мучила старушку, и она не знала, как уже с ней бороться. Слышно было, как она шепчет: «Глаза выломило... Ох, уж эта темнотища!»

В ту ночь мне приснился тревожный и нехороший сон. Будто я плыву на резиновой лодке по взбаламученному, грязному морю. Куда не встану – место для рыбалки не годится: то груды мусора лежат, то какие-то куски железа, то острие якоря из воды торчит, то остов ржавой машины. А на том берегу затона стоят машины, идет гуляба, и кто-то машет мне рукой и зовет меня по имени. А мне интересно, кто же меня знает здесь, ведь место мне самому незнакомое. Присматриваюсь и неожиданно для себя узнаю уже забытого человека. Весь в грязи, измазанный до самого лица, стоит Юрка Ковригин. Я поздоровался и спросил

его, зачем он грязью вымазался. А он ответил, что грязь в этом месте лечебная, и позвал меня на свой берег грязью лечиться.

– Нет, Юрок, я уже домой собираюсь, все равно рыбы нет, – отвечаю ему.

А он вроде как разозлился на меня, а я у него еще спрашиваю:

– А почему ты домой не едешь? Тебя уже давно потеряли отец и бабушка.

– А нет мне отсюда дороги назад. Слишком далеко я забрался, да и не по своей вине. Скоро все узнаете!

Проснулся я в поту и рассказал сон бабе Ане.

– Плохой сон, нехороший, – только и сказала она.

43

Как говорится, сон в руку. С той ночи прошло несколько дней. Дядя Женя задержался на работе дольше обычного.

– Ну сегодня точно Евгений Степанович на карабарках приползет, – заметила баба Аня.

– Так негде же сейчас найти выпивки, – заметил я.

– Свинья грязь найдет.

Этим вечером действительно дядя Женя пришел домой невменяемо пьяный. Тяжело переступил через порог и прямо в заснеженной одежде пошел к дивану. Раздеваться он не стал. Не лег, а сел посреди дивана, откинувшись на спинку. Шапка слетела с головы и откатилась в сторону, осыпая снегом плед. Он молчал и сдерживал в себе какую-то невыносимую муку. Все лицо было искажено ноющей внутренней болью, губы кривились, по щекам текли слезы.

– Опять дошлындася по дворам? Намазюкали тебе, что ли? Чего реवेशь, Женька? – допытывалась мать до сына.

Но по всему было видно, что это не похоже на обычную ссору или неприятность, случилось гораздо худшее. И мать не оставляла его, пыталась:

– Чего молчишь-то, Женька! Скажи мне, что случилось?

А он молчал, словно воды в рот набрал, он не мог выдать из себя ни единого слова, были все они невыносимо горькие, и от них сохло во рту и жгло сердце.

– Да что, в конце концов, случилось, Женька! – крикнула на сына мать.

– Убили...

– Кого? Кто убил? – допытывалась непонятливая мать.

– Сына убили, Юрку моего, – дрожащим голосом выдал из себя дядя Женя.

– Вон оно что... – заплакала старушка, присев на свою кровать. В руке у нее тут же откуда-то возник платочек. – За что же Юроньку убили, кто осмелился?

В комнате стоял жалостливый плач старушки. Иногда она уставала плакать, сморкалась в платочек, бросая его к ногам, и откуда-то из-под матраца вытаскивала новый. Когда она успокаивалась, то отчетливо слышался скрежет зубов ее сына, сидевшего всю ночь на диване в своем пальто. Это была тяжелая и беспокойная ночь.

С утра в доме стала появляться родня. Пришли дядя Боря с Ольгой. Дядя Женя еще вчера отпросился с работы по такому случаю. Его с утра оповестили на работе, что ждут в прокуратуре. Там-то и рассказали о сыне. Дело в том, что один из соучастников дал показания об убийстве. Его фамилия Московкин, он специально совершил после убийства мелкое преступление, чтобы «спрятаться» в тюрьме от

основного убийцы, который без особых душевных мук нашел бы способ сжить того со света. И теперь, когда срок подходил к концу, он, дабы не попасть в руки Воронова, пришел с чистосердечным признанием и подробно рассказал, как был убит Юрка Ковригин. Через некоторое время был суд. В зале сидели представители той и другой стороны. Кое-какие записи этого заседания остались в моем блокноте: «Основной судья Мохова – с поведенным набок ртом, с подмаргивающим глазом. Трое подсудимых сидят за ограждением, похожим на невысокую трибуну. Воронов, убийца Юрия, так низко склонил голову, что его почти не видно. Двое его подельников – худые, остролицые. У одного из них разрисованы наколками руки. У среднего подсудимого отвратительное лицо – вытянутое, тонкое, подбородок плоский, узко поставленные глаза расположены высоко под узеньким лбом. Нос тонкий, глаза с поволокой – трудно различить, серые они или синие».

– Не воруйте наше время! Говорите все по существу! – строго обрывает судья мать Льготкина.

Та явно старается сына прикрыть, приукрашивая его. Когда она повернулась к нам, лицо ее показалось мне выразительным в своей скорби.

Вместе с нами сидит Олег, внук бабы Ани Ковригиной. Крепкий, коренастый спортсмен. Он с ненавистью смотрит на убийцу.

Судья Мохова очень жестко ведет суд, задает вопросы «в лоб». Вскрываются факты. Воронов уводит дело в сторону. Напирает на то, что совершил убийство в порыве ревности. Мне сразу вспомнилась та черная, как цыганка, девушка, к которой Юрка завел меня однажды вечером. У нее болел грудной ребенок и сидел в тюрьме муж. Это и был Воронов.

– Мы с Юрой познакомились в «Айне» через компанейца, – так начал свою речь Воронов.

С виду он симпатичный парень, и даже не подумаешь о нем ничего плохого. Сотню раз себя ловил на том, как бывает обманчива внешность. У него отец – директор какого-то завода, его на суде нет. Мать убийцы сидит спокойная, уверенная в том, что со временем деньги сделают свое дело.

– Когда я узнал, что Юра был с моей женой, я не выдержал и решил отомстить ему за это, – спокойно рассказывает убийца.

Судья Мохова – довольно резкая женщина:

– Есть другое мнение по этому поводу. Ваша жена в данный момент находится во Львове. Зачитайте, пожалуйста, момент изнасилования гражданки Вороновой в ресторане «Чосон».

В это мгновение Воронов как-то неловко и неестественно выразил протест: «Этого не надо читать!» Судья жестко отрезала: «Надо!» И после этого она попросила войти Цоя. Среднего роста парень лет тридцати спокойным голосом рассказывает о том, что в «Чосоне», корейском кафе, была изнасилована жена Воронова.

– Тут еще нужно разобраться, а не сам ли Воронов способствовал этому, не пустил ли ее сам на поругание, мстя ей за то, что она изменяла ему, когда он сидел в тюрьме. Но какое отношение это имеет к делу? Весь город знает, что парня убили из-за магнитофона...

В это момент вскочил Воронов и стал угрожать корейцу. В самую точку попал Цой. Судья успокоила убийцу тем, что нужно еще разобраться с тем, как Воронов бегал по городу с обрезом после случая с женой и мог здесь еще кого-нибудь убить.

С невозмутимым видом Цой продолжал:

– Я сам судимый и никого не сдаю, поэтому я не пошел в милицию заявлять на Воронова. Тогда он приехал ко мне разбираться с известным в городе Сашкой-Тюрьмой. Тюрьма мне сказал, что я на крупных парней нарвался. А я ответил, что здоровье еще есть – посмотрим!

Цоя отпустили. После его выступления кое-что стало для меня проясняться. В перерывах мы выходили на площадку и беседовали между собой. Дядя Женя вспомнил, что у последней девушки, с которой у Юры намечались хорошие отношения, он оставил огромный музыкальный центр, чуть ли не во всю стену. Ведь Юрка любил современную музыку. Этот центр стоил около полутора тысяч рублей, это были бешеные деньги по тем временам. Видимо, там, на базе отдыха, Юра и проговорился новому «компанейцу» о том, что скоро привезет музыку на берег. Войдя в доверие, Воронов узнал городской адрес, где проживает Юра, и заслал туда Льготкина якобы от Юры, который срочно требует на берег всю имеющуюся аппаратуру. План срabатывает. Но аппаратура увозится в другое место. Теперь на Льготкина Воронов, кроме соучастия в убийстве, «свешал» аппаратуру. Мать Льготкина ходит в перерывах по коридору и роняет слезы в платочек, подаренный сыном. На нем нарисован лик Христа и надпись: «Мамочка, за что твои слезы и за что я страдаю?» Ему 22 года, ровно столько прожил на свете Юрка Ковригин. Мать этого Льготкина вызывает искреннее сочувствие, все глаза заплаканные, говорит, что, когда сын сидел еще в 65-й зоне в Шемонаихе, его там хвалили: «Если бы все были такие, как он, нам бы легче было». Московкин из семьи алкоголиков, и на суде с его стороны даже некому присутствовать.

Дядя Женя стоит у трибуны растерянный и никак не может собраться.

Его спрашивают об одном, а он отвечает невпопад:

– Здесь вскорости этот случай...

– Существует ли Оля, у которой Юра проводил последнее время?

– Да, была у него какая-то дама, а как ее зовут, не ведаю...

Суд длился два дня. Выяснилось, что убийство было совершено с особой жестокостью. После того как Юра узнал, что у него из дома вынесли обманном путем музыкальную аппаратуру, он передал через знакомых Воронову, что на пишет заявление в милицию, если тот не вернет добровольно. Эти трое во главе с Вороновым приехали на базу отдыха на такси, посадили в него Юрку и поехали прочь из «Айны». Отъехав несколько километров от базы отдыха, Воронов вывел Ковригина на дорогу, огляделся. Убедился, что на трассе никого нет, достал обрез, пытаясь пугнуть им Юру. Но, видя, что тот его не боится, присел на одно колено, прицелился в область сердца и выстрелил с небольшого расстояния. Юрий упал. Заряд оказался заряженным мелкой дробью и не убил его. Таксиста все время держали, приставив нож к горлу, Московкин и Льготкин. Воронов стащил жертву с дороги, нашел камень и стал бить им по голове. Но и после этого признаки жизни присутствовали в крепком молодом организме. Воронов хотел «привязать кровью» своих товарищей и посылал их по одному, чтобы каждый приложил свои усилия к убийству человека. Юрка был жив и после этих истязаний. Воронов снял ремень и, накинув его удавкой, стал душить. А потом принес нож и несколько раз прошил им грудную клетку. Прикопали убитого тут же, при дороге, оставили для метки Юркин кроссовок, чтобы вернуться и по нему найти убитого и спрятать.

поглубже. Что перенес таксист за это время? Страшно даже подумать. Но вскоре он тоже исчез, Воронов добрался и до него.

Страшная мучительная смерть сына подорвала здоровье Евгения Степановича, озлобила его на весь белый свет, рухнули его последние надежды, а вместе с тем исчез смысл жизни.

За полтора года от Юрки остался скелет, обтянутый остатками тканей. На шее его болтался полусгнивший ремень, на черепе имелись проломы от ударов твердыми предметами, на ребрах, в области грудной клетки, были видны коллощережущие повреждения. Их видел своими глазами Ковригин-старший. Но на второй день суда, когда должны были быть предоставлены факты, подтверждающие особо жестокое убийство, из морга на КШТ исчез череп вместе с фрагментом шеи, на котором оставались ткани ремня. Это каким-то образом сыграло на руку убийце, и приговор был смягчен.

Мать Льготкина просила дядю Женю забрать бумагу о магнитофоне, ведь уже стало понятно, что Льготкин выполнял волю Воронова. Сначала Евгений Степанович отказался, а потом пошел и успокоил ее, что, действительно, в том нет вины ее сына, и забрал бумагу.

Судья произнесла приговор. Сроки я уже не помню, Воронову дали лет девять, остальным и того меньше.

Дядя Женя вместе с родней занялись приготовлением к похоронам.

Вечером, сидя, как обычно, на кухне, дядя Женя рассказывал:

– Я гроб-то обшил, чтоб пыль не попадала. В этом заведении мне налили чуть-чуть, на доньшко. А я сказал: «Если лить, так лейте, нечего посуду марать». Они набудырили полный стакан до самых краев, говорят: «Посмотрим, как упадешь». Гляди-ка ты, упал! Нашли, чем меня напугать!

Юру Ковригина похоронили на городском кладбище в Ушаново, недалеко от города.

44

Все это время я не забывал свою Наталью, каждый день мы встречались. Чем ближе я ее узнавал, тем дороже становилась она для меня. Она жила в общежитии на улице Образцова. Из окон общежития свешивались сумки и авоськи с провизией, и расторопные синицы расклевывали бумагу и теребили мясо из такого природного холодильника. Наталья жила на четвертом этаже с двумя девчонками – Ольгой Рыбе и Жанной Казаковой. В их комнате было всегда весело.

На входе меня уже хорошо знали старушки и пропускали под залог студенческого билета. Наталья готовила что-нибудь вкусненькое, используя минимум продуктов: как-то она поразила меня вкуснейшими зразами. Девчонки, переглядываясь, срочно уходили по делам, оставляя нас одних.

Вечером бойкая Ольга, которую мы меж собой называли Рыбкой, отчитывала Наталью:

– Мы для чего вас оставляем и ходим мерзнем с Жанкой? Чтобы вы все время напролет стихи друг другу читали? Встретились два романтика...

А нам действительно было хорошо вдвоем. Стоило одному подумать что-нибудь, как другой произносил продолжение фразы вслух. Была духовная глубинная связь, и мы не торопили событий. Наталья давно уговаривала меня, чтобы я переселился в общежитие, на этаже имелась свободная комната. Но как я мог в

то время покинуть квартиру и оставить беззащитную старушку, к которой привык за долгие годы и судьба которой была мне далеко не безразлична? Дядя Женя после смерти сына совсем распоясался и откровенно сживал со свету родную мать. События, предшествующие суду и похоронам Юры Ковригина, подняли со дна его души всю озлобленность, которую он вымещал на родном обездоленном и еще более бесправном, чем он сам, существе, давшем когда-то ему жизнь. По мере возможности я сглаживал конфликтные ситуации.

Еще в дни суда, когда выявились подробности убийства сына, дядя Женя вечерами уходил в ванну, закрывался там, включал напор воды и громко кричал, костеря Бога за все беды. Он перекрикивал струю воды, хлещущую о дно ванны. Баба Аня, лежа на своей кровати, слышала различимые сквозь шум слова и неодобрительно, жалеючи качала головой: «Женька, Женька, что с тобой стало...»

Накричавшись, дядя Женя выходил из ванной и ждал начала разговора, чтобы за что-нибудь зацепиться и побольнее обидеть мать. Даже на первом этаже было слышно, как «беседуют» в квартире номер 25.

Баба Аня жаловалась, что некому сходить за хлебом. В ответ на это сын кричал:

– Захотела бы, ходила!

– Тут и так головушка на плечах едва держится, еще ты кричишь! Я ничего не вижу, слепа стала, – оправдывалась мать.

– Булку хлеба бы разглядела как-нибудь!

После недолгого молчания сын снова начинал кричать на мать:

– Ты когда помрешь?! Я тебе два дня даю для этого! Я бы сразу два гроба и одну оградку заказал.

Именно в такие моменты я и появлялся в доме.

Анна Федоровна со слезами смотрела на меня, обиженно говоря:

– Каменное сердце было бы, и то уже разбилось бы...

Ее сын при моем появлении уходил на кухню или ложился спать. Какое-то время он еще сдерживал себя при посторонних людях. Ночами я стал просыпаться оттого, что дядя Женя скрипел зубами, громко во сне разговаривал или кашлял. Однажды глубокой ночью, когда лунный свет сквозь не задёрнутые шторы пронизывал все пространство комнаты, я разглядел, что дядя Женя стал абсолютно седым. Как я раньше этого не замечал?

С утра в гости прибежала Ленка, внучка бабы Ани. Старушка попыталась пожуричь ее за то, что та совсем дорогу к ней позабыла. Но и на это небольшое замечание она огрызнулась:

– Ты чо на меня кричишь?

– А на кого мне еще кричать? Никто меня не слушает! Сейчас меня и за чело-века не считают. А Евгений Степаныч и вовсе затоптал меня в грязе...

По всему было видно, что с этой внучки толку не будет, бабушке она почти не помогала: ни за лекарством сходить, ни полы помыть. Да и умом не отличалась. Рассказывала старушке всякие глупости, а та усаживала внучку за стол, кормила чем Бог послал. Насытившись, Ленка убегала опять в город и долго не показывалась на глаза бабушке. В этот раз, частенько чихая, она наградила старушку крепким насморком.

Баба Аня уже к вечеру почувствовала недомогание и жаловалась мне:

– Вот ведь наказание какое-нибудь привяжется. Что-то мерзну, никак не согреюсь. Тот раз поморозило, так всю губу обкидало. А сейчас вот такой шум в головушке, Господи... Никак боль не проходит, как гири, и все. Уже все сглотала. – Она наудачу спросила у меня: – У тебя анальгина нет случайно? Жаль. Тут еще кашель привязался. Опять ночь лаять буду. Евгений Степанович и вовсе меня со свету сживет, что спать ему не даю, работнику.

Вечером дядя Женя пришел с работы с бумажным свертком. Прошел в кухню прямо в обуви и положил на стол.

– Что это? – спросил я у него.

– Это мыло. Сухой паек. Сказали, что частично вместо зарплаты будут давать сухим пайком.

В то время многие несурзные вещи творились. Кто-то ведь додумался назвать мыло «сухим пайком», словно его выдавали для еды. Дядя Женя был абсолютно трезв и доволен тем, что он является в доме добытчиком, как бы ни называли его добычу. Я развернул бумагу и обнаружил неровной формы куски, отдаленно похожие на хозяйственное мыло.

– Разве это мыло?

– Обязательно! – последовал уверенный ответ.

Дядя Женя собрался идти за хлебом, но я еще днем купил булку. Раздеваясь, он вдруг что-то вспомнил.

– Думаю, что куртка такая тяжелая? А там, оказывается, плоскогубцы. Вот. Приобрел. Со всех сторон кусают. Пожалуйста! – он показал мне, как легко двигаются ручки. – В масле еще. Одно удовольствие. Там, понимаешь, завод уже растащили, дай, думаю, пока их не сперли, возьму. Хоть память о заводе будет какая-никакая.

Мы сели ужинать. Хлеб был непеченным и потому невкусным. На что дядя Женя изрек:

– Что первый сорт, что нищий...

Из глубины комнаты донесся бабушкин голос:

– И то, верно ты говоришь. Пекчи разучились. Хлеб-то искалечат, на булку не походит.

За столом мы разговаривали про Берию. Евгений Степанович встал, вспомнив, что забыл нарезать сала. Взял досточку, но она оказалась не промытой, ведь его мать плохо видела, и потому приходилось за ней перемывать. Это вызвало раздражение у сына.

– Что она лежит, помыть доску не может, что ли? Режет, где попало. Говоришь ей, говоришь, и еще виноватым выходишь. Вот тебе лежит – второй Берия!

Я встал и помыл доску, чтобы в зачатке сгладить назревающий конфликт.

Ночь была беспокойной. Бабушка плохо себя чувствовала и всю ночь промаялась, борясь с бессонницей. Слышно было, как она потирала друг о дружку сухие руки.

– Не шурши! Спать не даешь! – шипел на нее сын.

Ближе к утру баба Аня в крошечной темени заблудилась на полпути до туалета, отчего у нее случилось головокружение. Она застонала, разбудив сына, который, ошалело подскочив, толкнул ее в туалет.

Вернувшись на кровать, баба Аня в слезах обозвала сына:

– Подлец, да и все!

Тот не унимался:

– Что у тебя за горе, мать? Забралась на перину да храпи в свое удовольствие. Ты же не на производстве работаешь, а мне на работу надо. Весь сон мне расстрожила. Уж сдыхала бы, что ли...

– Да я бы давно сдохла, да не сдыхается. Ах, как не охота умирать! Как пожить охота! Но так жить, как я...

– Ты долго будешь ворчать? Днем выспитесь, а ночью ломается...

До рассвета слышно было, как старушка, сдерживая себя, плакала в подушку.

45

С утра баба Аня, разбитая после бессонной ночи, мучилась головной болью. Выпив горсть таблеток, она пошла разогревать завтрак. Газ уже три дня не давали, и еда готовилась на электрической плитке.

– От враги не нашего Бога, все-то газ не дают! – сокрушалась она. – Хоть бы свет ко всему не отключили, а то придется холодным довольствоваться... Ну и ночка была, ну и ночка. Совсем озверел Женька. Никак понять не может, что мать совсем слепшара стала. Хоть бы видел, дак куда-нибудь слазил бы. А слепой куда пойдешь, вот я и заблудилась в темети. Ты, поди, слышал, и тебе спать не дали?

– Да, баб Аня, я все слышал. Жалко мне Вас. Думаю, что терпенья моего ненадолго хватит, набью ему личность...

– Только не связывайся с ним, прошу тебя! Он же и пырнуть может! Зек – одно слово.

– Вы за меня не переживайте. Но так распоясываться нельзя, как он!

– Не стоит он того. Какой уж уродился, горбатого одна могила исправит.

В тот день мы гуляли с Натальей по городу, сходили в кино. Зашли на квартиру к Ковригиным. Баба Аня обрадовалась такой гостье и пригласила нас за небогатый стол. В то время в магазинах были скудные прилавки. Меня хорошо поддерживали мои родители, посылая из деревни целые сумки провизии. И каждый раз моя мама посылала что-нибудь вкусненькое и бабе Ане. Лепешки, купленные мной в магазине, оказались не лучшего качества.

Хозяйка раздосадовано заметила:

– Они лучше лепешки не могли испекчи?

К обеду баба Аня сготовила плов. Казанок стоял на стуле, аккуратно закутанный толстым материалом, который был сверху придавлен утюгом. Сняв утюг, она распеленала казанок и набрала нам по тарелкам плов.

Мы с Натальей уже собирались уходить, я искал в сумке потерянную вещь, когда в дверь громко и настойчиво постучали.

– Входите, не заперто, – отозвалась на стук старушка.

Дверь распахнулась, и в коридор вошло существо в грязном изношенном одеянии. По внешнему виду нельзя было сразу определить, какого пола это существо.

– Батюшки ты мои, Галка! И чо ты к матери нос не кажешь? Уж год, наверно, как не показывалась. Совсем мать забыла. А мы и не знаем, жива ты или не жива.

– Жива я, как видишь, – прозвучал хриплый запитый голос, женского в нем почти ничего не было.

– А что в двери-то так колотишься, про звонок забыла?

– А на что он мне, звонок? О! Да у тебя гости. Это и есть твой квартирант?

Сколько захожу, ни разу еще дома не застала, вот первый раз.

И действительно, о ее существовании я знал, но она настолько редко посещала мать, что наши пути за много лет ни разу не пересеклись. Это было впервые. И если бы я не видел, как на моих глазах деградирует и вымирает все ковригинское племя, то я, наверное, был бы шокирован знакомством с этой опустившейся женщиной. Ее невозможно было назвать Степановной, потому что отчество совершенно не «клеилось» к ее облику. Да и вряд ли ей было дело до умершего отца, когда до живой матери некогда было дойти. Все называли ее Галкой. Только одна племянница Ольга называла ее тетя Галя, вкладывая в это кровное родство чувство жалости. Это была настоящая бомжиха, живущая с таким же опустившимся алкоголиком где-то за городом не то в землянке, не то во времянке, добывающая себе на выпивку и скудное пропитание добычей извести. В ней было утрачено не только все женское, но и поруган сам облик человеческий. Заветренное от постоянного нахождения на улице лицо было коричневого цвета. Чертами лица она походила на дядю Женю. Но он был всегда чистоплотен, аккуратно выбрит, в чистой и всегда выглаженной одежде, пахнувший одеколоном. Кроме внешней похожести, ни в какое сравнение не шел он со своей сестрой. Следует упомянуть, что брат не сильно чествовал свою сестру, открыто выражая к ней чувство брезгливости.

– Ты бы к людям не приставала, – попросила старушка пьяную дочь.

– А я и не пристаю. Поговорить охота, – несмотря на ее навязчивость, чувствовалось, что она абсолютно беззлобный человек.

– Иди, поешь, я там плов давеча сготовила, – звала мать к столу свою непутевую дочь.

– Успею, мать, еще наемся. Дай с людьми поговорю!

Она взяла табурет и села неподалеку от меня, наблюдая, как я перебираю сумку. Это не ускользнуло от глаз матери, которой было стыдно за свою дочь.

– И чего ты там уселась, мешаешься? Чо забралась среди людей?

– А я подарочка жду! – беспардонно заявила дочка.

– Ох, и бессовестная! Какие у студента подарки! – вразумляла пьяницу обескураженная женщина.

Дочь, не обращая внимания на мать, хриплым голосом завела частушку, которую сочиняла на ходу: «Подарите, подарите человеку плавочки. Если нету, не дарите, не хочу я, мамочка...» – дальше шла связка непонятных слов.

– Тьфу, ты, Галка! Совсем из ума выжила! – подняла на нее голос мать.

Та спокойно достала из кармана древний, порепанный от времени кошелек, открыла, щепотью ухватила из него горстку махорки и повернула заветренное лицо к матери:

– Мать, махорку не во что завернуть... Есть газетка?

– Подь ты с глаз моих!

У меня всегда под рукой был небольшой блокнот, в который я заносил заметки и записывал услышанные диалоги или монологи. Я вырвал из него листок и подал тете Гале. Та пощупала листок и положила на стол.

– Это шибко толсто будет. Во!

Она увидела на столе газету с телевизионной программой на ближайшие дни с пометками карандашом, без спросу оторвала угол.

– Вот в самый раз будет.

И стала закручивать «козью ножку».

Баба Аня сторала от стыда за свое непутевое чадо и уже не знала, что придумать, чтобы выпроводить свою дочь в кухню.

– Ты, поди, еще и курить здесь удумаешь, а, Галка? Вон какую «собачью ляжку» завернула.

Анна Федоровна вытянула указательный палец и пальцем второй руки «отмерила» на первом длину самокрутки.

– Ты, мать, почему такая необразованная? – возмущалась дочь. – Вовсе это не «собачья ляжка», а самая обыкновенная «козья ножка». И потом, зачем ты обо мне так плохо думаешь? Курить я не приучена в помещениях. Я такая же божественная, как и ты. И верно, и не верно, – размышляла она вслух.

– Язык без костей, молотишь что попало! – останавливала дочку баба Аня. – Ты же уж отлипла от людей, прицепилась, как банный лист к одному месту! Сергею писать надо.

– Пишет, пишет. Вон уже сколько в блокнот записал, – гостья уже обращалась ко мне. – Ты же корреспондент, пиши! – она снова запела: – «Ни милиция, ни полиция... Поли, рощи...» Дальше сам придумаешь.

Последнее, что успела произнести доморощенная гастролерша, было: «Я больше Раи Горбачевой знаю!»

– Концерт окончен! – раздался с порога голос дяди Жени.

Он появился неожиданно, в тот момент, когда его сестра сосредоточила на себе все наше внимание. В доме, где семейка Горбачевых проклиналась изо дня в день и малейшее упоминание о ней приводило в ярость, это было приговором. Чем бы закончилось это свидание брата и сестры, можно было предугадать. Ее спасло присутствие постороннего человека. Увидев Наталью, Евгений Степанович вежливо поздоровался и вышел в дверь. Времени у его сестры было немного. Баба Аня быстро покормила дочь и выпроводила ее за порог «от греха подальше». Та послушно собралась, предчувствуя недоброе.

А я пошел провожать Наталью к ее общежитию. Она искренне жалела старушку, которой досталась такая доля. Меня подкупало ее равнодушие. И я уже тогда знал, что она – моя половинка, посланная мне свыше. Я читал ей свои наивные стихи, это было мое крохотное богатство. У нас все только начиналось.

46

Утром, увидев, что я уже проснулся, баба Аня с добрым улыбающимся лицом подошла к моей кровати.

– Здравствуйте! – поприветствовала она меня.

– Здравствуйте! – откликнулся я в ответ.

– Выспался?

– Да.

– Ну, как спалось?

– Отлично! Без задних ног спал.

– Всю ночь влюблялся?

– Да. А Вы как спали?

– Плохо. Нет совсем сну, вот нет и все. Я шарком-шарком ночью нашла таблетку, глотнула и к утру только уснула.

Я еще сидел на кровати, задумавшись о чем-то своем. Анна Федоровна «гло-тала» лекарства. Посмотрела на меня, мы улыбнулись друг другу.

– Сто рублей – не деньги! Думай, думай. Пора сейчас у вас самая такая интересная, – она намекнула мне на мои чувства к Наталье. – Она девочка вежливая и, по всему видно, очень порядочная. Жалей ее, а для нее ничего не жалей, – баба Аня радовалась за меня и напутствовала на будущее.

Вечером, когда я пришел из института и переступил порог квартиры, сразу понял, что здесь случилось что-то из ряда вон выходящее. Дядя Женья, закрывшись в ванной, плакал навзрыд. Хлестала о ванну струя воды, пущенная на полную мощь. Оттуда доносились обрывки фраз, из которых было понятно, что он снова воюет с Богом. Баба Аня лежала в темноте комнаты и едва слышно плакала. Я сначала подумал, что произошла обычная ссора, которая происходила в этой квартире чуть ли не каждый день. Сквозь слезы старушка мне рассказала, что пришла из далекой Украины телеграмма от дочки дяди Жени Ирины.

– У внука менингит. Дело плохо. Откуда эта напасть навязалась на ребенка? Пусть бы ко мне он лучше привязался до кучи к моим болезням! За что ребенок страдает неповинный? Мне-то жить осталось с понюшку табака, а у дитя вся жизнь впереди. Что за проклятье навалилось на все ковригинское семья?

Дядя Женья, выйдя из ванной комнаты, сразу же оделся и вышел в гулкий подъезд. До поздней ночи он скитался по своим знакомым, а домой пришел уже совершенно пьяным. Он едва стоял на ногах, глядел на меня исподлобья. Раздевшись, он прошел в кухню, налил себе чая-купца. Завернув себе «козью ножку», он курил прямо за столом. В глазах его стоял беспросветный мрак.

Откуда-то издали, с чужой хрипотцой доносились его тяжелые слова:

– Дали бы мне денег чуть-чуть, чтобы я внуку переслал, – какая-то незнакомая мне просительная интонация звучала в этих словах. А вслед за этим последовали угрозы в адрес непутевого генсека Горбачева: – Я бы за этим лысым гонялся всю жизнь и догнал бы, и пристрелил гада лысого...

Ничего нового в этих словах уже не было. Отчаянная и бесполезная злоба разъедала душу. Наступали времена изошренного глумления над душой народа. Горбачев за разрушение великой страны получил Нобелевскую премию и исчез за океаном. Пришедший за ним Ельцин, расстреляв защитников Белого дома в 1993 году, укрепил чужую антинародную власть. В честь его назовут библиотеку, словно этот ограниченный человек был эрудитом и читателем! И поставят памятник этому алкоголику в Екатеринбурге, где когда-то было совершено величайшее из преступлений – убийство царской семьи. Забегая вперед, скажу, что в этот далеко не короткий срок правления Ельцина, унижительный для русского народа, вымрет все старшее поколение Ковригиных.

Всю ночь Евгений Степанович ругал кого-то во сне, скрежетал зубами и плакал едва слышным плачем.

Утром баба Аня жаловалась на беспокойство, причиненное сыном:

– Он всю ночь говорил, бурчал, весь сон мне разломал. Теперь голова как соломой набитая, – она с растрепанными волосами села за стол, шаря по скатерти рукой в поисках расчески. – Не у нас одних горе. Сейчас оно кругом. Только и слышишь: там убили кого-то, там сам повешался. А в доме напротив, как из подъезда выходить, у Гуляева сын пропал. Поехал с кем-то за сахаром в Талды-Курган и исчез. Наверно, деньги при себе были у кого-то, а он оберегал своего началь-

ника. Да, видно, не убереглись. Спортом занимался, каратэ. А отец в институте преподает историю. Один остался.

Вечером, после работы, дядя Женя ненадолго забежал домой, от него разило алкогольным запахом. Он, не разуваясь, прошел к холодильнику и положил туда небольшой сверток: «Бабке скажешь, что Борька угостил». И вышел. Баба Аня после беспокойной ночи несколько раз пыталась прилечь, но сон не шел, и только к вечеру задремала. Проснулась она, когда уже в комнате стояли сумерки. Я читал на кухне. Она вышла из темноты, жалуюсь по привычке: «Пристала на одном боку лежать. Весь бок отлежала. Съем теофедрин, подзаправлюсь».

– Там, в холодильнике, дядя Женя сверток какой-то Вам оставил.

Баба Аня вслепую нащупала на пустой холодильной полочке гостинец, вынесла его на свет.

– А откуда он сыр принес?

– От дяди Бори.

– Тот все покупает, а этот... Закусал сыр и ушел. Совсем одичал. Идти надо быстрее поесть, а то придет, божить будет, ведь ему сразу за стол надо.

Вернувшись, дядя Женя ушел мыться в ванну. Вскоре оттуда стала доноситься ядреная брань. Он вышел, не скрывая своего раздражения, наскоро утираясь полотенцем.

– Кто спер мой брусок?

– Какой брусок? – недоумевала мать.

– Тот самый, которым я пятки чищу.

– Не знаю, кому он мог понадобиться. Я им не пользуюсь, – пыталась оправдаться мать.

– Тогда кто был в доме, пока меня не было?

– Да сегодня кроме снохи никого не было.

– Так я и знал!

Он быстро оделся и выскочил в подъезд.

– Ну зек, ну зек! – не унималась мать. – За кусок старой пемзы человека попершит...

Через несколько минут он вернулся обратно, держа в руке невзрачный брусок, и с порога выпалил:

– В мою ванну чтобы никто не ходил, ни сноха, ни враг народа!

В эту ночь произошло то, что рано или поздно должно было случиться. По своему обыкновению, баба Аня среди ночи проснулась и стала в темноте нащупывать на табурете лекарство. Зашуршал целлофановый пакетик, и она нечаянно опрокинула бокал с водой. Спросонья подскочил ее сын и накинудся с кулаками на плачущую старушку: «Не шурши, крысяка!» Свет от соседнего дома сквозь не задернутое шторами окно тускло освещал комнату. Мне была видна изогнувшаяся черная тень, нависшая над светлеющей в темноте фигурой старушки. Я в одно мгновение оказался рядом и попытался его уговорить лечь спать. На что он повернулся ко мне: «В чем дело? А! И ты туда же!» Это было последнее, что он успел сказать, потому что в следующее мгновение он уже лежал на своем диване, из горла, придавленного моим локтем, с шипением вырывался хрип.

– Если вы хоть раз еще тронете бабу Аню, не обижайтесь на меня! Я вас предупредил.

Эту ночь я запомнил надолго. Бросив подушку на другой край кровати, я развернулся лицом к центру комнаты. Так мне было видно все, что в ней происходит. Сквозь матрац, где-то под лопаткой, ощущалось железное тело топора, давно потерянного своим беспокойным хозяином. Это меня несколько успокаивало. Хотя я был уверен, что дядя Женя вряд ли пойдет на крайний шаг, тем не менее, кто мог дать гарантию, что человек с помятым самолюбием не выкинет какой-нибудь «номер»? Чужая душа – потемки. В комнате стояла мертвая тишина. Никто не спал, потому что не было слышно ни привычного скрипа зубов или бормотания сквозь сон в дальнем углу, ни мерного дыхания измученной старушки. Я попытался уснуть. Лишь на мгновение я закрыл глаза, как мне тогда показалось, а когда открыл, то увидел, что дядя Женя сидит на диване и смотрит на меня. Хотя я не видел его глаз, но я был в этом уверен. Луна освещала его всего. Так до самого утра он и просидел в одном положении. А потом ушел на работу.

С утра я стал собирать свои вещи, потому что после случившегося мне оставаться здесь было нельзя.

– Вы уж, баба Аня, извините меня... Но, сами понимаете, что теперь из нас двоих кому-то придется уйти.

Она горестно вздыхала, плакала, вытирая слезы помятым платочком, благодарил меня за то, что в обиду не дал.

– Лучше б этот антихрист ушел! Навязался на мою голову. Наказание мое. Теперь совсем меня со свету сживет без тебя.

– Я буду заходить к Вам в гости, – пытался я хоть как-то успокоить отчаявшуюся старушку.

Она прижала мою руку к щеке, поцеловала ее на прощание. Бедная, измученная женщина, что ее ожидало впереди! Об этом страшно было даже подумать, но я ничего уже поделать не мог.

47

Я шел по городу со своим «дембельским» чемоданом, неизменным спутником всех моих переездов. Гири и книги я оставил на следующий раз, к тому же это был серьезный повод проведать бабу Аню. Раз десять я уже переезжал, и потому меня совсем не пугала неопределенность моего положения. Я направлялся в сторону улицы Образцова, в общежитие, где жила Наталья. Гарантий никто не давал, что меня поселят в пустующую комнату, ведь здесь заселяли студентов других факультетов. По крайней мере, я мог оставить здесь свои вещи, а ночевать можно было у знакомых в городе. На мое счастье, мне выделили комнату на четвертом этаже, неподалеку от Натальиной. Теперь мы могли видеться в любое время.

Здесь кипела студенческая веселая жизнь. Некоторых студентов я хорошо знал: с одними учился на подготовительных курсах, с другими – параллельно шел на протяжении пяти лет, пересекаясь в институте или на студенческих мероприятиях. Двумя этажами ниже жил мой друг, Бакимбаев Бекбулат, с которым мы служили в одной части. Вместе с ним мы окончили подготовительные курсы. Этот улыбочивый и жизнерадостный человек всегда появлялся на моем пути как добрый знак. Благодаря мимолетной встрече с ним на автовокзале, я решил поступать в институт. Благодаря его поддержке, я легко вошел в ритм жизни общежития. О

нем я до сих пор вспоминаю с душевной болью. Бекбулат погиб через несколько лет после окончания института в автокатастрофе в пригороде Усть-Каменогорска у поселка Молодежный.

Первое время я чуть ли не каждый день навещал Ковригиных. Мое «предупреждение» дало положительные результаты. Но ненадолго. С месяц дядя Женя не обижал свою мать. Но тюремная привычка – унижить слабого, вскоре взяла свое. За все неудачи сына расплачивалась эта безответная старушка. Она всегда радовалась моему появлению и не скрывала своих чувств.

– Подойди, хоть руку твою потрогаю, соскучилась.

Она прижимала мою руку к своей щеке и счастливо улыбалась.

В одно из таких «посещений» старой квартиры я заметил небольшую перестановку в комнате. Кровать бабы Ани была сдвинута, а диван разложен. На диване было раскинуто одеяло.

– Женька привел бабу домой, сказал, что жить с ней будет. Была бы женщина, а то – стыдно говорить даже... Я-то думала, что там за баба у нас в подъезде завелась – неопрятна, верхушка рыжа, к ней мужики ходят, а это вот кто! Я глаза ей выкопаю, пусть шарком шарится. Пусть убирается из моего гнезда! Я не разрешаю разводить здесь бардак. – Она не могла успокоиться, плакала, жалуясь мне: – Поставит табурет возле дивана и пьет с этой рыжей. Вчера борщ сварила, а он давай эту бесстыжую кормить моим борщом. Несет в руках тарелку с горячим борщом, я ему говорю: «Идите на кухню, там ужинайте». А он тарелку в мою сторону клонит: «Щас вылью!» Стал рядом и смотрит на меня: «Только слово скажи, вылью!» А та ехидно посмеивается, огневка рыжая. Навязался же на мою голову.

Сын откровенно выживал Анну Федоровну из квартиры. Ей и пожаловаться было некому. Решительная и терпеливая внучка Ольга сама была измучена разгульной жизнью отца и вынужденным сожительством с мачехой. Она приходила к бабушке и видела ту же самую картину. Ее и саму некому было пожалеть. Внук Олег жил на другом краю города и появлялся редко. Он всегда приносил гостинцы и снова исчезал на долгое время. Дядя Боря по-прежнему запугивал «брата Женьку», но на деле лишь усугублял положение совместными пьянками. Чем же я мог помочь?..

В общежитии между тем протекала веселая студенческая жизнь. Поводы для смеха находились на каждом шагу.

Как-то раз Жанна купила в киоске газету с рекламой, ей срочно нужно было приобрести какую-то вещь. Читает: «В нашей столовой вы можете попробовать пышные плюшки, дымящиеся пирожки...»

– Что за ерунда? Эта столовая уже давно не работает! И в ней сроду не было «дымящихся пирожков»! – она пробежала глазами, отыскивая дату выхода газеты, которая оказалась прошлогодней, – А я еще спросила продавщицу: «Свежая газета?» «Свежая», – говорит. Вот тебе и «дымящиеся пирожки»!

Однажды Жанна сообщила радостную весть, услышанную в университетской столовой: «Назарбаев готовит указ о том, чтобы подарить народу четыре дня отдыха на День республики, так что в пятницу будем отдыхать». На что Ольга с присущим ей юмором возмущенно отреагировала: «Ну, правильно! У нас так и делается – кухарка знает, что будем отдыхать, а декан не знает!»

Неподалеку в комнате жили две девчонки – Таня и Оксана. Парочка подобралась стоящая друг друга. Татьяна, если и улыбалась, то такой натужной, тяжелой улыбкой, словно это стоило ей больших душевных затрат. А Оксана практически не улыбалась и имела довольно серьезный вид. За это в трамваях ее частенько принимали за контролера и старались предъявить ей свои билеты. Случайно зашедшие в общежитие парни попытались познакомиться с Оксаной и спросили ее: «Ты, наверно, первокурсница?» На что она отреагировала с серьезным видом «Если бы я была первокурсницей, то я бы застрелилась!» Парни сразу отстали, не наблюдая перспективы в дальнейшем общении.

А на Рождество девчонки гадали. В ту ночь Наталье приснился странный сон: песчаные барханы, по которым навстречу шел парень в красных шортах и улыбался. Когда он подошел ближе, то в нем она узнала меня. Об этом она рассказала мне гораздо позже, когда оказалась на моей родине, где впервые увидела настоящие песчаные барханы и узнала то место, которое ей снилось.

Тем же летом у нас с Натальей состоялась свадьба. Тот год запомнился большим половодьем на Бухтарме и частыми грозами. В свадебное путешествие мы ездили в Санкт-Петербург, где жили бабушка Наталья и моя родня.

48

В августе мы с Натальей целую неделю искали квартиру. В первый день поехали на Опытное Поле. Друзья нам сказали, что одинокая женщина сдает квартиру на Защите.

Когда мы открыли незапертую дверь по назначенному адресу и окликнули хозяйку, нам из дальней комнаты отозвался слабый женский голос: «Пройдите сюда, я давно не хожу». На кровати сидела еще молодая, лет тридцати пяти женщина приятной наружности. Лицо ее имело утонченные, правильные черты. Больше всего меня поразили ее большие сине-голубые глаза. Бедная, страдавшая женщина, засидевшаяся в одиночестве, была рада любому случайному гостю. Видно было, что за ней ухаживают и поддерживают в квартире порядок. Мы немного знали о ее жизни. У нее был муж, который крепко выпивал и гонял ее. Она его боялась, но, несмотря ни на что, любила. Когда он ушел из семьи, у нее отказали ноги. И даже после всего, что случилось, в разговоре с нами она его не бранила, все еще надеясь, что он к ней вернется. По этой причине и отказала нам, объяснив, что когда бывший муж вернется с Севера, он имеет право на свою половину квартиры. Нам ничего не оставалось, как отправиться на дальнейшие поиски жилья.

На следующий день мы отправились на другую окраину города, на Аблакетку. Пешком прошли не один километр, заходя по указанным адресам. Подходили к расспросами к бабушкам на улице. Одна добродушная старушка все называла Наталью «доченькой» и «моей хорошей», откликнувшись с участием на нашу проблему: «Да что вы, понимаем, жилье – это самое первостепенное, самое нужное для человека». Но и эти поиски прошли безрезультатно.

Через неделю нам несказанно повезло. Я случайно встретил старого приятеля, с которым когда-то занимался гиревым спортом. Олег Тарашук, работая на «Скорой помощи», частенько оказывал помощь пожилым родителям своего знакомого. Совсем недавно их не стало. К этому приятелю и отвел меня мой товарищ – на улицу Стахановскую, где сдавали половину дома. По-

трепанного вида мужчина назвал за год проживания определенную цену. Это были немаленькие деньги, но абсурдность дикого рынка 90-х была в том, что всеобщий дефицит и невыплаты зарплат на предприятиях совершенно размыли реальную стоимость денег. Из свадебного путешествия мы привезли одну пару импортных туфель маленького размера, купив их «на всякий случай». Так вот, перепродав их по более высокой цене, мы смогли оплатить годовую стоимость съемного жилья.

Наша квартира располагалась в половине частного дома, имела отдельный от хозяев вход и состояла из двух комнат: большого зала с мебелью, кухоньки и совершенно пустой комнаты, которую мы практически не использовали. В помещениях имелось центральное отопление, горячая и холодная вода. Дом находился недалеко от центра города. Об этом мы даже и не мечтали! Рядом, по улице Ворошилова, шла трамвайная линия. Поблизости располагалась пекарня, или, как ее называли, «хлебозавод». Чудесный запах свежего хлеба! По весне – запах сирени и цветущих яблонь. Во дворах двухэтажек в сторону улицы Гоголя – островками ландыши, георгины, золотые шары... Шикарный район, который я исходил вдоль и поперек.

Вскоре мы с Натальей перевезли сюда свои вещи, которых было еще совсем немного. В этом доме началась наша семейная жизнь. Наталья оказалась прекрасной хозяйкой и великолепным кулинаром. Она умела готовить еду из небогатого набора продуктов, который можно было купить в то время. В отличие от меня, она была домоседкой. А я все не мог привыкнуть к тому, что у меня уже есть семья и какой-никакой собственный угол. Множество друзей, которые встречались на каждом шагу и зазывали в гости, а также скитальческая жизнь студента без постоянного жилья, к которой я привык за долгие годы, оказывали мне плохую услугу в моих семейных начинаниях. Именно эти две причины вызывали размолвки в нашей молодой семье. Признаюсь честно: на первых порах я был неважным семьянином. Пришлось привыкать к новому укладу жизни.

Наши многочисленные друзья стали приходить к нам в дом, двери которого для них всегда были открыты. Именно «нашу» Стахановскую все до сих пор вспоминают с удовольствием. Иногда на какой-нибудь праздник или событие целыми ватагами приходили к нам Натальины однокурсницы (они учились на пятом курсе) или наши общие друзья. И тогда моя жена заводила тесто и пекла вкуснейшие пирожки с капустой или картошкой – целую гору, на всю компанию. Наш стол походил на скатерть-самобранку: доставались соленья, нарезалось домашнее сальцо, одним словом, выставляли все, чем были тогда богаты. Кто умел играть на гитаре – играл на гитаре, кто умел петь – пел. Впрочем, и кто не умел петь, тоже пел вместе со всеми. Танцевали и веселились. Это было замечательное время нашей молодости! Один из завсегдатаев наших вечеринок, мой друг Володя Графский, что окончил истфак годом ранее меня, через четверть века припомнил одно из наших угощений: «Помню, как Наталья натирала черную редьку в миску с томатным соком, насыпала туда сухариков, и мы ели ложками из общей тарелки. Вкуснотища! Сколько ни пробовал сам сделать такое блюдо – не то! Вот у вас, на Стахановской, все было особым».

Хозяин, что жил за стенкой, в другой половине дома, был на редкость добродушным мужиком. Он с понятием относился к нашим вечеринкам, хотя не

мог не слышать нас за тонкой стеной, но, по его словам, наше веселье даже разгоняло его гремучую тоску. Валентин Николаевич был старше меня лет на пятнадцать и жил со своей супругой, которую от нечего делать полупливал. Детей у них не было. Его родители были ветеранами войны и, как я понял, прожили душа в душу свою долгую жизнь. Умерли они с разницей в один день, так что даже и похоронили их вместе. От этих замечательных людей остались письма, которые сын за ненужностью унес в туалет, что стоял в огороде, используя их вместо туалетной бумаги. Не считаю, что я совершил что-то преступное, когда просматривал эти, во многом трепетные, страницы. Мне было глубоко жаль этих неизвестных мне, но глубоко порядочных людей, которые по-настоящему любили друг друга и наверняка мучились, глядя на своего непутевого сына-алкоголика. Как и у Ковригиных, в этом доме тоже была своя трагедия.

Бывало, Валентин Николаевич, пьянехонький в стельку, обросший, заходил в нашу половину и, стоя в пороге, спрашивал:

– Сережка, есть деньги?

– Нет.

У меня действительно в ту пору не было денег.

– Ни капельки? – домогался Валентин.

– Ни капельки.

– А где взять?

– Не знаю.

– Умру, сам меня хоронить будешь, – завершал он свой беззлобный допрос и уходил на улицу в поисках денег на спиртное.

Иногда наш диалог немного отличался. Не зная, где добыть денег, сосед у меня спрашивал:

– Может, продадим Чарлика? – видимо, продавать ему уже было нечего.

– Только не Чарлика! – заступался я за нашего дворового небольшого пса, к которому мы уже изрядно привыкли. Тем более, он честно отработывал свой скудный кусок хлеба, сидя возле будки под высокими воротами.

Иногда у хозяина дома – нам было отчетливо слышно через стенку-перегородку – были шумные разборки с женой. Ее голоса почти не было слышно, зато Валентин Николаевич пьяно басил неузнаваемым чужим голосом, и раздавались глухие буцканья, словно там выбивали пыль из перины. Я его расспрашивал о вчерашней ругани в их половине дома, на что он без зазрения совести, очень честно отвечал:

– Да свою опять лупил...

– За что? – домогался я у соседа.

– Пьет! – коротко отвечал он. – Слишком много пьет.

– Так вы ж сами выпиваете!

– Я – дело другое! Бабе не дозволено глыкать наравне с мужиком. Она мне не ровня! Ишь чего удумала! Куда люди, туда и Марья крива! Отучаю ее, а ей все равно. Хоть кол на голове теши.

Что можно было ответить на эти железные аргументы? Поучать в данном случае не имело никакого смысла. Единственное, что я мог сделать – не давать ему денег из своих скудных запасов. Но Валентин Николаевич находил их в другом месте.

Еще в августе я пытался устроиться на работу. Пересиливая себя, я пошел в милицию. Меня уже давно приглашала моя землячка, начальница паспортного стола. За месяц до меня туда устроился мой знакомый, который был рад нашей встрече и тому, что нам придется вместе работать. Я прошел медкомиссию и практически уже устроился. Нас отправили проверять паспортный режим в общежитие трамвайного парка. Мы поднимались по грязной лестнице, на которой валялись мусорные отходы. В коридорах – грязь, у дверей – истоптанные, заношенные тапочки. Стучим в двери, проверяем паспорта. Лица унылые, у всех свои проблемы, живут бедно. Мужчины с запитыми лицами, какие-то забытые женщины. В одном из коридоров встречаю знакомого, с которым вместе учились в техникуме лет восемь назад. Разговорились. Он рассказал мне, как они напоили бывшего мастера из техникума. Все о каких-то гулянках рассказывал. Времени у меня было в обрез, и мы попрощались. С тягостным чувством уходил я оттуда. Утром мне пришлось извиниться перед моей землячкой за то, что не оправдал ее надежд. Я честно признался, что в милиции я работать не смогу, и ушел.

В сентябре я устроился строителем на фирму к отцу моей бывшей однокурсницы. Дядю Витю я знал давно, и мы легко нашли общий язык. Мы работали в «Чингиз-банке»: красили, укладывали плитку, делали навесные потолки... Вместе со мной работало еще три человека. Двое парней пришли в нашу бригаду с мебельного комбината, где были постоянные задержки с зарплатой. Ближе всех я сошелся с аварцем Рамазаном, который уже несколько лет трудился строителем в разных организациях. Он был старше меня на несколько лет, невысокого роста, горбоносый весельчак. Шутить он умел очень хорошо. Запомнилась фраза, которую он произносил с улыбкой: «Когда я доберусь до Восточной Пруссии...» Рамазан любил свой родной город Каспийск, где остались его жена и дети. Семью он навещал очень редко, хорошо, если раз в год с ней бывал. Увозил туда заработанные деньги и возвращался вновь. У Рамазана был один верный, как он считал, способ уличить жену в измене, если таковая имела. Суть этого, по Рамазану, «народного» способа заключалась в следующем: «Если ты долгое время был в командировке, то по приезду домой ты должен умыться и тщательно вытереться полотенцем, которое кладется на ночь под подушку жене. Сто процентов – не верная жена произнесет имя любовника, а верная будет молчать». Такой наивный способ утешал моего друга с далекого Кавказа.

Рабочие дни отличались друг от друга. Иной раз, когда были в наличии все материалы, мы работали допоздна. Иногда, выработывая весь материал, уходили раньше. А порой сразу же уходили домой. Часто дядя Витя брал меня и своего заместителя Рамазана, и мы ездили по всему городу в поисках стройматериала, который в ту пору было не так-то уж просто найти. Рамазан всю дорогу шутил, и время проходило быстро и весело. То и дело он вставлял в речь свое излюбленное про то, когда он доберется до Восточной Пруссии. Мы знали, что сегодня у нашего друга отличное настроение, и дела в этот день шли прекрасно.

Когда было свободное от работы время, я уединялся в банке, в заброшенной комнате. Там, сидя на ящике у перевернутой бочки, записывал в блокнот «по горячим следам» то, что происходило на улицах любимого мной города.

Вот кое-что о том времени: «15 ноября 1993 года. Ужасный мороз. Трамваи ползут, обледенелые, как морги на колесах, скрипят, скрежещут. Толкотня, в

трамвай невозможно забраться. Дождаться трамвая тоже трудно, так как ходят они очень редко. Еще труднее пробраться внутрь – страшная давка, все окоченели, лезут вперед, лишь бы пробраться, любой ценой. Тут не сразу отличишь, где интеллигент, а где рабочий – все выживают, как могут. Старики, женщины, дети – всем срочно надо ехать. Совершенно нет желания пробираться за счет собственной силы, расталкивая локтями этих бедных старушек – им на другой конец города сроду пешком не дойти. Понимая все это, я рискнул идти пешком – от автостанции до Стахановской. Шел домой ровно пятьдесят минут. Пока дошел, сосулька на носу образовалась. Шел вдоль трамвайного пути. По дороге всего пара трамваев меня обогнала. Запомнилась женщина-водитель одного трамвая. Вся очень тепло укутана – в шубе, голова обмотана не то платком, не то теплым шарфом. Глаза устремлены вперед, не шевелится, словно неживая. Эдакий живой памятник водителю трамвая. Холод лютый. Но, говорят, что будет еще холоднее».

В другой раз: «В трамвае, как всегда, – битком народу. В последний момент на нижнюю ступеньку просочилось две старушки, одну из них защемило дверью. Вторая беззлобно, с обидой в голосе сказала: “Парень стоит рядом, а помочь не может”. Кроме меня парней рядом не было. Мне, чтобы пробраться к ним, нужно было отодвинуть деда. Это меня взорвало: «Бабушка, вы это про меня?» Старушка спокойно подняла в мою сторону лицо и добрым шепотом ответила: «Да вот парень стоял на остановке, а бабуле не мог помочь залезть...» Я извинился за резкость. Но на душе остался неприятный осадок. Хорошо, что до моей остановки было недалеко».

В такой вот атмосфере жили мы все в то непростое время.

50

В начале февраля 1994 года стояла относительно теплая, безветренная погода. После работы я решил прогуляться по городу. Я уже отвык от обычных прогулок и с удовольствием шел, не торопясь, по родному городу. На площади Ушанова я зашел в «Букинист» и, купив несколько книжек, отправился дальше по знакомой, исхоженной мной дорожке по улице Патриса Лумумбы, к Ковригиным. Наверное, уже полгода я не был в этом доме, и почему-то именно в этот день мне захотелось побывать на старой квартире и проведать бабу Анию.

Я вошел в знакомый мне подъезд, заглянул в почтовый ящик под номером 25, который оказался пустым, и поднялся на второй этаж. Дверь оказалась незакрытой. Я постучал в нее и вошел. Уже в коридоре я услышал голос бабы Ани.

– Там не заперто, заходите!

Но я уже шел к ней.

– Здравствуйте!

Она по голосу сразу же узнала меня, будто поджидала.

– Ой, Сережка пришел!

Как искренне она обрадовалась! Я подошел к ней и поцеловал в мягкую, заросшую мелким волосом, щеку.

– Я по вам соскучился, – признался я старушке.

– А как я соскучилась! Ты совсем про нас забыл.

– Да-а-а, работаю сейчас. Времени меньше.

– А я «Скорую» вызвала, для нее и двери открыла...

Я только успел снять куртку, как в дверь постучали. Это я по привычке успел закрыть за собой дверь. Две женщины в белом проходят и просят, чтобы я включил в зале свет. На буфете в кухне меня дожидается письмо от Жени Кудряшовой, девочки из моего артековского отряда. Она дольше всех не забывала обо мне и писала письма. Я с удовольствием прочитал письмо и поздравление с Новым годом. Эта весточка ждала меня полтора месяца. Когда я закончил читать, врачи уже собирались уходить.

Баба Аня, как обычно, спросила у них:

– У вас случайно таблеток нет?

– Нет, – разбили какую-то ампулку, вылили ее содержимое вместе с водой в пустую чашку, напоили старушку и уехали.

Когда мы остались одни, баба Аня неутешительно призналась:

– Скоро помешася жить-то так. Вот дожились – лекарств, и тех нет. Так и говорят: «Бабуля, твоей пенсии не хватит даже на половину таблеток, что мы прописали Вам». Все в коммерческих аптеках лежит втридорога. Вот и попробуй так, поживи. А у тебя там, случайно, не завалилось какого-нибудь лекарства? Мать не передавала?

– Нет, баба Аня, сейчас нет. Вы мне вот что скажите, а дядя Женя сейчас один живет или с женщиной?

Она радостно рассказывает о том, что «Женька вскорости» прогнал свою «огневку рыжую»: «Быстро она ему надоела. Такая грязнуля, не приведи Господи... А ленивая какая! А он-то сам у нас чистоплотный да и работает – будь здоров!» Дальше баба Аня перешла на внучек, сказала, что Ольга «болтается», то есть занимается коммерцией. Но это для бабы Ани не работа, а «шаромыжничанье». Вторая ее внучка, Ленка, сейчас немного приболела. И что обе к ней почти не забегают. Все в этом доме мне до боли знакомо, почти ничего не изменилось. Вот только ковер повесил дядя Женя на стену над моей кроватью, и он на этом месте очень хорошо смотрится, да отошли обои над столом – дядя Женя прибил их крупными гвоздями, видимо, какие оказались у него на тот момент под рукой. Под шляпки гвоздей подставлены какие-то крупные колечки.

Все это мне не нравится, ведь я какой-никакой строитель, и начинаю переделывать. На работе я научился клеить обои. Забравшись на стол, я выдернул гвозди. Банка клея бустилата, прихваченная мной с работы, в самый раз пригодилась в этот вечер. Я уже очистил обои от известки и успел промазать клеем стену, когда появился дядя Женя. Он своим ключом открыл дверь. Я стоял на столе. Мы поздоровались, правда, не по рукам. Руки у Евгения Степановича были заняты, он держал четыре буханки хлеба, которые спрятал за моей кроватью у балкона. Пока я доклеивал, дядя Женя разогрел борщ и позвал меня ужинать. От борща я отказался, а вот чай попить согласился. У дяди Жени нет никаких обид на меня, я тоже настроен весьма дружелюбно. Баба Аня рада, что у нас в кухоньке все мирно и благочинно, как в лучшие времена. Она вытаскивает к чаю остатки роскоши – масло кусочками в баночке, залитое водой, и сахар в полулитровой баночке. У Евгения Степановича в кружке – чифир заварен. У меня обычный крепкий чай. Сначала разговор не клеился, но когда дошли до политики и выплеснули свои эмоции, куда-то потерялось то, что нас разъединяло. Мы разоткровенничались, как в былые времена. Я стоял у окна, за которым надвигался вечер, и рассматривал медленно утопающий в сумерках

двор, знакомый мне до каждого деревца, до каждой мелкой детали. Знакомо загорались окна дома напротив.

- А что там, на пятом этаже, так же живет толстяк молодой?
- Где это? – дядя Женя подошел к окну, не расставаясь с кружкой чифира.
- А вон там, где люстра.
- А, этим окном я не интересовался. Вот на третьем – те же.
- А вон там, на пятом, мужик постоянно в темном окне мерцает сигаретой

Каждый вечер, как светлячок.

- Мужика того не знаю. А жену его каждый день вижу.

В это время загорелось то самое окно на пятом этаже, о котором мы только что говорили.

- Легка на помине! – тут же отреагировал дядя Женя.

Рассмотрев двор и окна напротив, мы продолжили чаепитие. Дядя Женя перешел к любимой своей теме – о работе.

– Начальник рад, что я снова вернулся обратно. Говорит, что теперь будет порядок. А то все растащили, даже грязные подстилки на полу, стулья и телефон. Телефон-то мне даром не нужен. На что он? Чтобы они меня попусту тревожили? Нет! Украли телефон и правильно сделали. Если спрашивает начальник: «Где Ковригин?» – наши отвечают: «Степаныч занимается своим делом!» Тот говорит: «Хорошо! Пусть занимается!» А у Степаныча какое еще дело... Он берет фуфайку, бросает ее на пол, ложится на нее, вот тебе и свое дело. Если начальник идет, то они меня предупредят, по трубе звякнут. – Степаныч дождался, когда я закончу смеяться и продолжил: – А сегодня один умник позвонил по телефону, меня подзывают, а он говорит, мол, так и так, надо вагон металлу загрузить. А я ему: «Это через Сластилова!» Тот бросил трубку. Весь завод уже растащили, вагонами тащат. Еще на днях один меня вызывает, надо что-то помочь загрузить. Я подхожу к нему и говорю: «Что, самого старого нашли? Пусть молодые бросают!» Я у них самый старший, один такой.

Дядя Женя, расправившись со своей дозой чифира, пошел к раковине и стал железной щеткой вычищать кружку. Тщательно выскоблив ее, поставил на место на столе. Сел на табурет и продолжил:

– Весь завод растащили. Раньше, бывало, идешь по складам – битком набиты. Да еще и «предъявите сертификат» скажут. А сейчас, как будто моль съела, последнее доедаем. А я так еще и подкальваю кладовщика: «Может, вам сертификат предъявить?» Тот понимает, что я его подначиваю, злится. А тот раз таскали стулья, а друг мой забросил их себе. Собственно, это его стулья и есть, ведь он первым их утащил...

Дядя Женя всерьез переживал о судьбе завода, на котором отработал не один десяток лет. Он склонил свою седую, светящуюся серебром голову, и, глядя в пол, ронял тяжелые, наполненные грустью слова:

– Мне ж летом на пенсию, ведь пятьдесят пять уже. Думаю, до лета-то дотяну... Лишь бы завод дотянул до пенсии! Я-то чо, дотяну!

Пока мы говорили, уже стемнело, и я видел только силуэт головы Степаныча, его оттопыренные уши, при повороте головы – надбровье и нос с горбинкой у переносицы. Вот он в темноте забил «козью ножку» и зажег спичку, бумага на самокрутке зажглась и не потухает. Дядя Женя потрянул ею несколько раз из стороны в сторону, прежде чем огонь потух. Я похвалил его за красивый ковер, что

висит над моей кроватью. Он тут же востроился, стал рассказывать историю о ковре и о полочке, как о каких-то живых существах.

– А тут я полез в чулан, гляжу – ковер лежит. Я думаю, зачем я тебя держу, пылишься да мешаешься здесь. Дай-ка я лучше тебя повешаю. Тут же, когда ковер искал, я нашел полочку, правда, ее пришлось маленько подшаманить. Я ее за хобот и на стенку.

Дядя Женя со знанием дела рассказывал, что ковер лучше всего не на кольца прибавать, а на бельевую веревку – стежками, сверху отступив немного. В темноте он водит руками, стараясь показать, как он разбирает книжную полочку, что однажды в новогоднюю ночь свалилась на мою кровать, когда меня не было дома. Как доделывал своими руками маленькую полочку под радиоприемник, который в самый раз умещается на ней. В этот момент он вспомнил о радио и включил его. Шли новости, рассказывали о конфликте на Северном Кавказе между осетинами и ингушами.

Спокойно дослушав до конца сообщение, дядя Женя снова стал костерить никудышных правителей:

– Вот, это все последствия «перестройки»! Деяния рук Горбачева! Это он динамит подложил под фундамент страны. Все народы между собой стравил. Это такой враг народа, которого отродясь не было в нашем государстве! Его же судить надо! Во-первых, за то, что страну развалил. Во-вторых, за то, что штаны просиживал вместо того, чтобы ликвидировать в Беловежье тройку других врагов народа во главе с Ельциным. Над ними тоже будет суд! Сколько неповинного народа в землю загнали! Пойди на кладбище, ужаснешься, что они натворили! Без войны народу сколько закопали! Но ничего, придет то время, когда их накажут. Мало того, что проклянут в народе, во всех учебниках пропишут про их предательство, и каждый ребенок, изучая русскую историю, будет тыкать пальцем в ненавистные рожи, говоря: «Иуды!» Еще найдутся в стране люди, которые смогут разобраться с ними! Только, боюсь, что не доживу до той поры. А вот ты застанешь это дело и вспомнишь мои слова...

Да, давно мы так не откровенничали, как в этот день! Наконец-то мы помирились! Дядя Женя тоже рад нашей встрече. Он, видимо, давно меня поджидал. И у него в душе потеплело в этот вечер. Ему хотелось наговориться вволю, высказать то, что накипело:

– Вот еще рекламируют всякую невидаль, а мы что, индейцы им, что ли? На всякие безделушки ловят нас. На что мне их «Сникерс»? Я им чо, ребенок, что ли! Да дай ты мне кусок мяса и картошки немного, больше мне ничего не надо!

Дядя Женя только сейчас додумался включить свет. Он прищурил глаза, с улыбкой глядя на меня. Поставил на плиту разогревать чайник.

– В тот раз я кроссовки купил по пьяни, хорошие вроде. Весь день ходил. А вечером разуваться стал, ноги вытащить из них не могу. Как в колодках будто. Еле как выдернул из них ноги. Пальцы постирал основательно. Так еще два дня после того ноги болели. Я взял их и отдал одному мужику. Он за них то капуста даст, то еще чего-нибудь. Выручает хоть. Так вот и держимся.

Мне пора было идти, и я прошел к бабе Ане, чтобы попрощаться. Я ей сказал, что мы неплохо в темноте пошептались с дядей Женей. Она ответила, что это «как в лучшие времена».

На прощанье старушка всплакнула, вспомнив давний сон:

– Да в Рождество еще было, не то приснилось, не то наяву слышала голос и не знаю – чей? То ли мой голос был, то ли еще чей. И сказал он: «Ты скоро умрешь».

– Вы, баба Аня, ночами плохо спите. Бессонница, переутомление, когда в голову всякая дрянь лезет. Может, от этого и галлюцинации всякие, бред. Не стоит верить этому! Обычная усталость! Так что выбросьте все это из головы и живите спокойно! – попытался я успокоить опечаленную старушку.

– Да, я тоже было подумала, что бред какой-то. Правильно ты говоришь, – успокоилась она, привыкшая всегда воспринимать мои слова всерьез, и даже одарила меня на прощание теплой улыбкой.

С дядей Женей мы попрощались, пожав друг другу руки. Я уходил по знакомой дороге, по которой когда-то ходил к Наталье. Только идти нужно было немного подальше. На остановке на площади Ушанова я опоздал на третий маршрут. Стою, жду следующий автобус. Сюда же подошел преподаватель Сережа-философ с извечным своим дипломатом и в заячьей шапке, на которой хвостиком торчит завязка. Чернявый, невысокого роста. Он меня не знает, а его знает весь город, по крайней мере, все студенты. Станный человек, не от мира сего. Он смотрит в небо, земли не видит, весь устремлен ввысь. Сначала он постоял возле меня, глядя вверх, потом отошел в другую сторону, тоже глядя в небо, а затем стал к березам – там звездные гроздья прямо на ветках висят. Мальчишка, стоящий возле него, тоже закинул голову и смотрит в небо. Но вот подошли сразу две «тройки». Автобусы переполнены, вывалятся два-три человека, а на их место все пять просачиваются со скрипом, с надсадой, упираясь во всю мочь. Сережа-философ не сразу заметил автобусы и тут же ринулся в первую «тройку» короткими семенящими шагами: ноги колесом, с оттопыренными локтями. Пробежал мимо меня и на всем ходу заскочил в уезжающий автобус, который тронулся с незакрытой дверью. В ней, зацепившись за что-то или, скорее всего, за кого-то, висит в дверях Сережа-философ. Ах, этот чертов дипломат – страшно мешает! И если автобус тряхнет на кочке, Сережа выпадет сам и вытянет за собой еще парочку пассажиров. Но пока автобус не скрылся с поля моего зрения, экстремальная езда протекала благополучно.

Наблюдая за господином философом, проявившим чудеса живучести, я опоздал на следующий автобус и решил добираться до дома пешком. Город, подняв огромные паруса дыма, плыл по ночной звездной дороге.

51

Весной, когда мы закончили ремонт в «Чингиз-банке», а новых объектов не предвиделось, наша бригада распалась. Жалко было расставаться с товарищами по работе, особенно с неунывающим Рамазаном, который мечтал добраться до Восточной Пруссии. Пожелав всем удачи, я перешел в бригаду к своему двоюродному брату Борису. Мы заканчивали ремонт внутри трехэтажного здания при областном ГАИ. Это была обычная «шарашкина контора», а разношерстная бригада больше походила на пиратскую шайку. Как говорится, «Шерочка с Машерочкой и Колупай с братом». Худошавая, еще молодая, но уже запитая женщина с заячьей губой, которую звали Ленкой. Она залихватски играла в карты, рассыпая направо и налево отборные маты. Странная любовная парочка предпенсионного возраста, Николай и Валька, в прошлом, видимо, очень симпатичная женщина.

Утром они под ручку шли на работу, вечером под ручку возвращались домой, крепко держась друг за друга, в каком бы состоянии ни находились. Странность этой парочки заключалась в том, что они были любовниками, а муж дожидался Вальку дома. Все трое жили в одной квартире и, мало того, секретов друг от друга не держали.

Боря, мой брат, после второй тюремной «ходки» прибился на временное проживание к своему другу детства, что жил в трех шагах от места работы – в районе нефтебазы. Деньги, заработанные нелегким трудом, мой двоюродный брат в несколько дней спускал на квартире у друга, по его же словам – «прохахатывал» без скорби и печали. В частный дом, кроме семьи друга и Бориса, частенько прибывался еще какой-нибудь залетный товарищ или подруга. Питались – чем бог пошлет. Главным кормильцем там был Князь, мелкий пронырливый дворовый пес, знающий все щели в округе и промышляющий ночи напролет. Редкий раз он возвращался без добычи. По соседству, за мощным забором, находился мясокомбинат. Под утро рабочие этого заведения, каждый в своем месте, с территории перебрасывали через забор в мешках колбасу. Князь знал эти места и ловко промышлял, притаскивая домой вязанку колбасы или, надрываясь, приволакивал целый мешок. Так «княжеской милостью» подкармливалось целое семейство и иже с ними.

Брат был более или менее здравомыслящим человеком в этой убойной компании. По несколько часов в день мы резались в карты в ожидании бетона или гравия. Потом шли, и каждый делал свое дело. Я прекрасно помню первый день проведенный мной на этой стройке. Бетон, который пообещали привезти еще с утра, так до обеда и не привезли. Все со знанием дела заключили, что сегодня работы уже не будет, и Ленка пошла за денатуратом. Вскоре она вернулась, держа в руке бутыль какого-то яркого цвета, не то голубого, не то фиолетового. Столом служил сколоченный из досок щит, под который были подложены шлакоблоки. Вместо лавок – доски, брошенные на такие же шлакоблоки. Вытащили из сумок небогатую снедь, налили «богатырскую» дозу в единственный стакан, и Ленка, отпустив какую-то простецкую матерную шутку, опростала стакан, скорчив и без того некрасивое лицо. Выпила и закусила вся «гоп-компания». Я отказался. Боря шуткой меня поддержал:

– Правильно, братишка. А то бетон привезут, кто будет работать!

Через пару часов, перебрав денатурата, вся бригада лежала штабелями кто где: Елена – на подоконнике, свернувшись калачиком, Борис – на лавочке, Николай с Валентиной – прямо на столе. Я сидел в сторонке, записывая впечатления в свой блокнот и поджидая окончания своего первого рабочего дня. С улицы кто-то хрипло кричал. Потом зашел мужик.

– Есть кто живой?

– Да, – откликнулся я.

– Едрёна-Матрёна! – присвистнул он, – А я охрип кричать вас, а тут вона что...

Ну, что ж, принимай бетон, а то через двадцать минут замерзнет.

Он назвал какую-то марку бетона, что должно было обозначать очень хорошее качество. Мне ничего не оставалось делать, как засучить рукава. Благо, что все было приготовлено. Когда бетон подняли на этаж, я принялся ведрами таскать его в соседнюю комнату и заливать полы. Мне нужно было израсходовать бетон, прежде чем он схватится. Я имел некоторое представление о том, как нужно

«вытягивать» и ровнять, но все же был дилетантом в этом деле. От одного угла к другому, от окна к выходу. Получилось более-менее ровно, даже самому понравилось. Первый рабочий день подходил к концу, а бригада, разбросанная по столам, лавкам, подоконникам, даже и не собиралась уходить домой. Я не стал тревожить их сон – собрался и пошел домой.

Как ни странно, но утром все вовремя пришли на работу и никто не болел. Они не сразу заметили, что в комнате залит пол. Ленка, округлив глаза, сдобрила ядреным словом речь:

– Боря, ... когда ты успел рас... залить полы?

– А я не заливал, – сознался брат. – Если только во сне, как лунатик...

– Николай, ты ... какого ... молчишь? Ты когда успел?

– А я вчера был чижолый, это не я, – отпирался Николай.

И тут только они догадались, что это моих рук дело. Ленка одарила меня малосимпатичной улыбкой.

– А ты ... студент! Молодец!

Брат промерил уровнем мою работу и одобрительно заключил:

– Как в лучших домах Парижа и Лондона, – сделал ударение в последнем слове на втором «о».

Так, на равных, меня приняли в свою бригаду. Работать, как оказалось в дальнейшем, в этом коллективе умели хорошо. Елена штукатурила так, что не успевали подносить раствор, и тогда она сверлящим, зычным, усиленным пустотой комнаты голосом кричала:

– Э, ..., мужики,, где раствор?

И тогда кто порасторопней, обычно это был я, носили ей ведрами раствор. Неразлучная парочка Николай и Валентина работали в другой комнате, она штукатурила, он подносил раствор. Каждый выполнял свою работу. После нескольких дней усиленного труда наступал разгрузочный день, и бригада снова добиралась до какого-нибудь низкокачественного спиртного, чаще денатурата, и отлеживалась вповалку, где придется. Иногда мне приходилось разводить эту компанию по домам, чтобы их не подобрали на улице и не увезли в вытрезвитель. Кроме Лены, все остальные жили в ближайшей округе. Один раз Николай и Валентина едва стояли на ногах, но разлучить их было невозможно. Я попытался встать между ними, чтобы мне было удобней их вести, но они так крепко сцепились руками, что я бросил эту дурную затею. Когда я держал под руку одного, второго заносило в сторону, потому что тому не на что было опереться. С горем пополам довел я их по нужному адресу и передал в руки мужа Валентины.

В то время казалось, что пьет чуть ли не весь город. У обобранного народа не было денег, чтобы купить что-то серьезное. Бешеная инфляция сжирала последние заработанные крохи. Цены росли с каждым днем. Простые люди, зарабатывающие свой хлеб тяжелым трудом, зачастую пускались в глухую пьянку. Вытрезвители работали бесперебойно. Той весной, когда я работал в бригаде вместе с братом, за один вечер он дважды попал в вытрезвитель. Как обычно, после очередного разгрузочного дня я проводил его в район нефтебазы, сел на трамвай и поехал домой. Часа через полтора после этого я услышал злобное ворчание Чарлика. Каково было мое удивление, когда в воротах я увидел своего развеселого брата и его друга. Как оказалось, они уже возвращались из вытрезвителя, который находился здесь же, на улице Стахановской, в километре от нашего дома. Мне

пришлось садиться вместе с ними на трамвай и снова ехать на нефтебазу, сопровождая до самой ограды. Я завел их в дом и со спокойной совестью отправился назад. Но через час снова залаял Чарлик. В дверях стоял Сергей. Он рассказал, что Боря пообещал работнику вытрезвителя бутылку шампанского, и они пошли на остановку трамвая, где моего брата снова посадили в «бобик» и увезли. В этот беспокойный вечер я взял из дома свои небольшие сбережения и отправился в вытрезвитель выкупать брата. Меня водили по комнатам, показывая задержанных. Боря спал на животе, обняв койку руками. Во всю спину – накладка: распятые. Я не стал тревожить брата, подумав, что здесь он находится под надежным присмотром. Иначе за вечер он мог оказаться здесь еще не один раз. Утро вечера мудренее. Наутро мы выкупили Бориса. Это двухразовое «удовольствие» обошлось брату примерно в месячную зарплату.

52

Несколько месяцев, проведенных мной в этой бригаде, не пропали даром. Я многому здесь научился. А люди, вначале показавшиеся мне малосимпатичными, на проверку оказались надежными, готовыми поделиться с тобой последним куском. За обеденным столом мы доставали из своих авосек принесенную из дома еду – «в общак», как выражался мой брат, и дружно поедали пищу. Чай в таких компаниях обычно пили густой, так что мне приходилось его постоянно разбавлять кипятком. Рассказывали анекдоты или истории из жизни. Николай был среднего роста, безобидный мужичок с великолепным умением слушать, для чего он приподнимал подбородок и сосредоточенно вперял глаза в рассказчика. Этот серьезный вид поначалу меня смешил, но потом я к нему привык, как и ко всему, что происходило в нашей бригаде. Рассказывал он тоже весьма интересно. Сидя за нашим самодельным столом, когда мы играли в карты, он делился своими воспоминаниями:

– Было у меня чудесное время, когда я ни разу не прогулял работу. Это было на винзаводе. Вечером выпьешь, утром ранёхонько похмеляться надо. В пять – уже на работе. Хоть живи там.

Его подруга Валентина сидит рядом с ним и очень злится, когда проигрывает в карты. Она сильно ревнует Николая и готова за него на всякие безрассудные поступки. Про нее рассказывали, что однажды показалось ей, будто Николай зашел к соседке. Постучала, никто не открывает. Попинала ногой – то же самое. Она, эта с виду хрупкая женщина, выбила дверь. А там – никого, темнота. Повезло, что ее не привлекли к ответу за хулиганские действия.

– Вот у меня два раза в жизни случалась белиберда какая-то, и оба раза на трезвую голову. Я тогда работал водителем, – снова рассказывал Николай о своей жизни. – Ехали мы целый день, остановились возле Акжара – захотелось перекусить. Решили ехать до утра без остановок, чтобы доехать до места, не то в Алексеевку, не то еще что-то в этом роде. А там степь да сопки. Едем и едем, нет ни села, ни огонька. Под утро показались огни. Глядим, а то опять Акжар. А в другой раз под Семипалатинском похожее случилось. У Комсомольска ловили зайца. До того доловились, что перепутали дорогу. И вместо того чтобы свернуть вправо, свернул влево. Утром был снова в Комсомольске.

По стройке бегает мелкий пес, которого Боря окрестил Тимкой. Весь в пыли, как строитель, глаза заросшие шерстью, нос грязный. По-хозяйски он обегает

территорию, вид у него важный. Брат шутит, что он наглый, как гаишник, только звездочек ему не хватает. Положили ему кусок хлеба, он понюхал, но есть не стал.

Два раза приезжал хозяин кооператива, в котором мы работали. Высокий, представительный, интеллигентный мужчина. Сначала он попал на разгрузочный день, когда бригада отлеживалась после бурной попойки, а я писал свои заметки, сидя на лавке у стола. Он покачал головой и, не сказав ни слова, уехал. Я даже и не понял, кто это был. На другой день он приехал снова. Попытался говорить поучительным тоном, но сразу же осекся – ему возразили простым языком, на каком общались между собой. Интеллигенции тут не было. Видимо, увидев во мне человека более или менее адекватного, начальник попытался через меня найти подход к бригаде. Мы, действительно, нашли общий язык, когда я «перевел» на культурный язык требование бригады: «Добавить зарплату хотя бы до двух тысяч тенге». Через месяц мы получили то, что требовали. Только инфляция за месяц «ополовинила» эту сумму: на две тысячи можно было купить то, что месяц назад на тысячу. Это был 1994 год.

В апреле к нам в гости приехал из деревни мой отец. Стоило ему только войти в ограду, как у одной из сумок от тяжести продуктов отвалилось дно. Отец добирался до города на попутной грузовой машине. Его высадили в районе Речного вокзала. Оттуда он добрался до Дворца спорта. Молодой паренек помог отцу выйти из автобуса, нес тяжеленную сумку. Отец, по деревенской недоверчивости, опасался, как бы тот не сбежал вместе с поклажей. Парень оказался очень порядочным и помог донести сумку до трамвая. Отец знал только улицу, но не знал, как туда доехать. Парень, хорошо знающий город, подсказывал, что к нам можно добраться только на «тройке». К тому же паренек оказался мастером на разныгрши. Увидев, что перед ним наивный деревенский мужчина, он с самым серьезным видом напутствовал его такими словами: «Только, отец, вот что... Обязательно пробивай абонемент, а то за каждым трамваем ездит милиция и забирает всех, кто без билетов». Отец за совет дал ему три больших копченых леща. Тот сначала отказывался, но потом все же взял. И помог отцу забраться в трамвай с сумками. Когда отец рассказывал мне про свои «мытарства» по городу в поисках нужного адреса, я искренне порадовался за порядочность наших горожан и от души посмеялся над тем веселым помощником, что рассказал отцу про милицию, которая ездит вслед за трамваями и забирает безбилетных пассажиров. Такого я еще не слышал! Весело мы пообщались в этот вечер. Между делом отец намекнул, что накопилось много работы в деревне. Я пообещал отцу приехать на Первомайские праздники и помочь по хозяйству. А на другой день отец уехал домой на том же грузовике.

Свободную комнату мы отвели для Тучки – так звали лайку, которую мы привезли из Лениногорска. Хозяин ее, наш хороший знакомый, отказался от нее, сославшись на то, что из нее не выйдет охотничьей собаки. Отдал даром. Правда, лайкой она было не чистокровной, а с примесью «дворянской» крови. Эта дворянью кровь, приспособленная к выживанию в самых тяжелых условиях, и спасла ее, когда она заболела чумкой. По крайней мере, так объяснили мне собаководы. Когда ее свалила чумка, мы вызвали ветеринара. Женщина оглядела ее и сказала, что, скорее всего, она умрет. Выписала лекарство на огромную сумму, которой у нас не было. Отчаявшись, я пошел к единственному

знакомому мне врачу – в БСМП. Олег Тарашук дал мне ампулу обезболивающего средства – это все, чем он мог помочь. Вечером я сделал вялой, умирающей собаке укол. Влил в гортань слабо сопротивляющейся Тучке из горлышка четверть бутылки водки. Под утро мы проснулись оттого, что услышали копошение собаки: было слышно, как она с аппетитом поедает оставленный ей в чашке борщ. Мы включили свет и увидели, что Тучка, стоя на всех четырех лапах (а она уже пару дней не поднималась), облизывает пустую посудину. Завиляя хвостом, она попросилась на улицу. Тучка шла еще неуверенно, ее пошатывало из стороны в сторону. Но это уже был путь к выздоровлению. Мы с Натальей искренне радовались.

В одну из весенних ночей мы засиделись допоздна. Я взял с собой Тучку и пошел провожать своего гостя Талгата, или, по-другому, Кораблика, того самого, что жил одно время вместе со мной на квартире в районе КШТ. Это он ушел с четвертого курса, бросил военно-морское училище где-то на Балтике, когда развалили Советский Союз. Поддавшись патриотическому чувству, Талгат вернулся в Казахстан. В Усть-Каменогорске он устроился работать в уголовный розыск. Частенько он ночевал у меня, узнавая через земляков мои координаты. Так мы с ним всегда поддерживали связь. Он знал много интересного о криминальной жизни города, но рассказам о своей работе всегда придавал романтический оттенок. Они походили на отрывки кино: «Мы несемся, а пули свистят вокруг...» Или: «Резина на поворотах скрипит, мы догоняем, на красный свет светофора проносимся за ними, гаишники за нами...» В общем, все понимали: «Врет!». Как и большинство крупных и сильных людей, Талгат имел очень добрую, отзывчивую душу, был честным и глубоко порядочным человеком. Он принадлежал к редкой породе однолюбов. Влюбившись однажды в Дину, дочку начальницы паспортного стола, к которой я когда-то пытался устроиться на работу в милицию, Талгат не встретил взаимности, но продолжал надеяться на ее благосклонность. А она вышла замуж, но вскоре с ее мужем произошла трагедия. Она вышла замуж еще раз, на сей раз удачно. А Талгат все ждал и ждал, пока не прошла жизнь. Ни разу он так и не женился. Проработав несколько лет в уголовке, он уехал в родное село, жил с родителями, работал в домашнем хозяйстве и крепко выпивал. После сорока он снова вернулся в Усть-Каменогорск, устроился на стройку к землякам, зарабатывая совсем немного. Он, наверно, уже не раз покаялся, что не окончил военно-морское училище. Был бы уже полковником, давно бы сидел на пенсии. А тогда, весенней звездной ночью, я провожал своего друга по родному Усть-Каменогорску. Тучка бежала впереди и, вдруг остановившись, стала лаять на идущего нам навстречу человека. Тот шел по трамвайной линии, никуда не сворачивая, как трамвай, словно боялся сбиться с пути. Он держал в руке непечатую бутылку пива, поднял ее вверх, словно хотел запустить этой драгоценностью в Тучку. В этот момент я окликнул собаку. Полоумный ночной пешеход спрятал бутылку и пошел дальше, неторопливо шаркая башмаками между рельсами. Когда он прошел мимо нас, Талгат узнал его и окликнул:

– Это ты, Петрович?

Тот повернулся к нам всем корпусом, как волк, приподнял бутылку над головой, промычал что-то в ответ, видимо, подтверждающее, что он и есть самый настоящий Петрович.

– Куда пошел, Петрович?

Тот что-то пробубнил, в тяжелом и вязком наборе слов я едва различил:

– К т-е-е-т-е Гале...

– Ну, счастливо, Петрович! – и мы пошли своей дорогой, а Петрович – своей.

Узнал ли он Талгата? Наверяд ли. Кораблик поведал, что этого полоумного мужичка зовут в народе Талисман. Рассказал, что ходили упорные слухи, будто наша хоккейная команда «Торпедо» брала его с собой на матчи как талисман удачи. Когда он присутствовал – выигрывали, а когда отсутствовал – победа была на стороне соперника. Возможно, это так и было, ведь давно известно, что спортсмены – народ суеверный.

Кораблика я проводил до БСМП, еще минут десять поговорили, прежде чем проститься, и я пошел обратно. Подходя к Стахановской улице, я снова услышал в темноте знакомое шарканье башмаков. Пригляделся и увидел Петровича, который возвращался обратно по встречному пути, как трамвай, четко следуя своим курсом. Это он дошел до кольца за Дворцом металлургов, возле Машзавода, развернулся и пошел обратно. Хорошо, что он не пошел по маршруту «тройки» до самой Защиты, а то бы вернулся не раньше, чем к рассвету. Он так и не расстался с бутылкой, нес ее в руке. Видимо, «тетя Галя» его не пустила или еще что-нибудь в этом роде, кто его знает?

Добавлю еще небольшой штрих к портрету моего друга Талгата-Кораблика. Ему было уже лет сорок пять, когда его пригласили участвовать в рекламе какого-то средства для похудения. Так как он до сих пор еще в хорошей форме, поджарый, стройный, он прекрасно подходил для такого трюка. Ему дали огромного размера джинсы, которые якобы он носил до приема этого чудодейственного препарата. Кораблик должен был показать со сцены эти огромные штаны и сказать всего-навсего несколько слов про то, как он обрел замечательную форму благодаря чудодейственному средству. За эту услугу ему пообещали сто долларов. Хорошая сумма для человека, считающего каждую копейку. К тому же это не на стройке руками мослать! Талгат отказался, вернул им штаны, при этом сказав: «За кого вы меня принимаете? Меня еще по уголовке пол-Усть-Каменогорска знают, а вы хотите, чтобы я здесь опозорился! Все же знают, что я никогда не был таким жирняком!» Зато, по словам Кораблика, знающего немало горожан лично, на сцену вышли люди, которые не последний кусок доедают, но которым не стыдно врать и брать за это деньги. А друга моего воспитали замечательные родители, и вырос он среди тружеников в замечательном селе!

Хозяйский кот Барсик постоянно проникает на нашу половину. Редкостный негодяй. Он «метит» только мои вещи, Натальины не трогает. Один раз я проснулся от странного звука и не сразу понял, в чем дело. Я достал рукой фонарь и направил в сторону звука. В моей туфле сидел кот и пускал в нее струю. Он продолжал это делать и при свете фонаря. Я спокойно взял Барсика за шкуру и выбросил на улицу. Туфлю пришлось замочить. То же он проделал и с моей спортивной сумкой. Утром я стирал ее в умывальнике теплой водой. От сумки шел пар, поднимаясь к зеркалу. Я задумался. Мне захотелось, чтобы к нам в гости пришла моя бывшая сокурсница, с которой

мы вместе учились пять лет. Лена Волченко была мне настоящим другом на протяжении всей учебы в институте. И вот она вышла замуж за человека, с которым ей очень трудно было найти общие темы для разговора. И мы с ней стали видеться очень редко. А жаль! Я с головой ушел в свои мысли, всерьез и глубоко задумался. Когда поднял лицо, то сквозь запотевшее зеркало, как из другого мира, на меня смотрело мутное мое отражение, несколько смутившее меня и выведшее меня из задумчивости.

Вскоре пришел сосед, пьяный до невозможности, принес деньги – 10 тенге, которые занимал на газ. Поздоровался по рукам со мной и Натальей. Тучке он тоже протянул руку, но та испуганно смотрела на него. В нашей комнате он заметил своего кота и громко вскрикнул от радости: «О-о-о! Барсик!» Тот подбежал к хозяину и оказался у него на руках. Валентин Николаевич гладит по голове любимого мурлыку и замечает подранные уши от разборок с котами и проплешину лишая.

– Это ему моей слюны не хватает, – плюет ему на лишай и растирает пальцем. Барсик сузив глаза, пытается убежать. – А! Защицало, да? У меня слюна лечебная, на спирту настоящая, быстро уши заживут.

Наталья протянула Валентину Николаевичу яблоко, но тот отказывается.

– Жену угостите, берите, – настаивает Наталья.

– А я ее вот только лупил, сами слышали, наверно.

– А за что? В чем она опять провинилась? – домогаюсь я у него и слышу простой, как выстрел, ответ.

– Пьет! Уже три дня пьет! За то и даю ей нагоняю.

Ушел, держа на руках, как подарок, своего Барсика. В широкий карман его пиджака Наталья положила яблоко «для супруги».

В этот вечер я решил сходить в гости к Ковригиным. За воротами мне встретился дед. Редкий волос прозрачным пушком светился на облысевшей голове.

– Парень, тебе щенок не нужен? – предложил он мне. – А то оценила восьмерых моя собака... Куда их девать, ума не приложу. Жалко ведь...

Вид у самого деда был тоже печальный, жалкий. Я ему показал на дом, где недавно украли собачонку. Он восторженно обрадовался и молодецки пошел дальше по Стахановской улице.

Как всегда, мне обрадовалась баба Аня Ковригина. Дядя Женя где-то в соседнем дворе играл в домино. С ним мы так и не увиделись. Я присел на диван поближе к дорогой мне старушке. Она тут же заплакала, рассказав мне про очередное несчастье. Все же горе крепко угнездилось в ковригинском доме.

– Галку нашу сожигатель ейный убил.

Она вытирала скомканным платочком глаза и очки с крупными линзами.

– Отрубил ей, спящей, голову и бросил в костер, на котором они готовили пищу да известку выпаривали, как она там готовится, я не знаю. А тело там же неподалеку закопал. И все бы ему с рук сошло, никто бы и не кинулся ее искать, ведь она год могла к нам не появляться, бомжевала за городом. Только убийца ее сон потерял – стала она к нему ходить каждую ночь и требовать: «Отдай мою голову!» Он пошел в милицию и сам на себя заявил, все как было там рассказал.

Да, это был печальный вечер и одна из последних встреч с бабой Аней Ковригиной, которые были отмерены нам в земной жизни.

Мы с Натальей возвращались от моих родителей с побережья Бухтармы по самарской трассе. С этой стороны город Усть-Каменогорск производит особенно сильное впечатление. С небольшого перевала Чечек открывается плотная завеса дыма, укрывшая весь город. Где-то в этой дымной гуще, как в чаше, спрятан уютный, любимый мной город. Если ближайший район комбината шелковых тканей еще просматривается сквозь слабую пелену, то дальше – с большим трудом. Над городом возвышаются мощные трубы заводов, наводнивших, как водой в половодье, сизым дымом все городское пространство. Глянешь сверху – и жалко становится себя и бедных горожан, обреченных дышать этим газом.

В последний раз мы с женой приехали в Усть-Каменогорск. Уезжаем. Прощаемся со всем, что дорого сердцу. Уже решение принято. Нас ждет родня в Санкт-Петербурге. Как я ни работал, стараясь заработать на отъезд, инфляция «съедала» мои небольшие заработки. Если в начале месяца на обещанные за работу деньги я мог купить два плацкартных билета до Москвы на поезд, то к моменту полочки – всего один. Мы старались заработать на распространенной в то время коммерции – перепродаже в Лениногорске товара, который удавалось случайно купить в Усть-Каменогорске. «Урвали» где-то коробку чая «№ 36», привезли в Лениногорск, и Наталья за день расторгнула его на базаре. Все товары были в дефиците. С горем пополам насобирали деньги и купили два билета до Москвы. Вещей у нас было немного, в основном одежда, летняя и осенняя. Самая большая ценность, которую мы везем с собой в Россию, это казанок, который нам дали с собой родители.

Собаку Тучку я отдал Боре, брату своему. Там, в районе мясокомбината, у нее будет возможность выжить, промышляя вместе с местным псом Князем, знающим все лазейки в округе.

Вместо меня бетонщиком в бригаде, пока не сдадут объект, будет работать мой друг Димка Крюкович, философ и мудрейшая голова с энциклопедическими знаниями. Он вместе с моим братом будет таскать раствор, заливать пол бетоном, засыпать мраморной крошкой и шлифовать его.

Наши друзья – Саша и Вера Ульрихи – этим летом уезжают из Усть-Каменогорска в Германию. Ольга Рыбе вышла замуж и тоже уезжает в Германию. Уезжают несколько моих однокурсниц в Россию, в том числе и Лена Волченко. Нужно успеть со всеми попрощаться. В последний раз я пешком иду проторенной, до боли знакомой мне дорогой на улицу Патриса Лумумбы. Захожу в магазин «Жастар», покупаю каких-то пряников к чаю. Вот и знакомый мне двор, подъезд. Баба Аня и дядя Женя дома. Все мирно и благочинно, как в былые времена, когда я только появился в этой квартире. Мы пьем чай с дядей Женей, беседуем о жизни. Евгений Степанович уже пенсионер, с этой ролью он никак не может сжиться:

– Заделья себе никак не найду. Ненужность свою почувствовал, вроде как ненужным стал никому, разве только вон – одной бабке. Времени свободного – уйма. Скоро на руках мозоли от домино появятся.

Он задумчиво поглядел в окно, помолчал.

– А я про пенсию почему-то по-другому думал, даже скажу больше – мечтал. Там я среди людей был, в коллективе крутился, общался со всеми. Нужным был. А теперь что? Оторванный ломоть. На тебе три копейки, не болтайся под ногами. А

с другой стороны, если посмотреть на это дело, тоже ничего хорошего. Работа уже не та стала, ведь все растащили, буквально все. И смотреть на это нет сил...

Допоздна я сидел в этот вечер. Баба Аня чувствовала, что я что-то не договариваю. Я еще раньше говорил ей, что мы с Натальей скоро уедем. И вот она сама спросила:

– Наверно, прощаться пришел?

– Да, баба Аня. Через несколько дней едем. Билет на поезд уже взяли из Лениногорска.

– Доброй дороги, – она беззвучно плакала, скомканным платочком вытирая глаза. – У вас с Натальей все получится. Главное – берегите друг дружку. Одинокому человеку трудно жить. Семья – дело серьезное!

Я обнял на прощанье старушку, ставшую мне за эти годы родным и близким человеком. Это была последняя наша встреча.

Дядя Женя, стоя на пороге, пожал мне руку:

– Ну, не поминай меня лихом. Удачи!

– И вы меня не поминайте лихом. Счастливо оставаться!

А через несколько дней мы уже ехали в поезде на Москву. В плацкартном вагоне свободных мест не было. Многие, как и мы, уезжали в Россию в поисках счастья. В первый же день, стоило нам только задремать после обеда, у нас украли литровую баночку варенья, что дала нам в дорогу Натальяина бабушка. Еще запомнилась мне та поездка нашим проводником, который пьянствовал всю дорогу. Один раз, вплотную став к окну возле бачка с кипятком, он свалился в проходе. А потому как носки ног его застряли под трубой отопления, низко проложенной у пола, он не смог подняться самостоятельно. Мне пришлось его вытаскивать. А так как мы с Натальей ехали в ближайшем к проводнику купе, то мне приходилось заботиться и о нашем проводнике, и о входящих на станциях пассажирах. Часть его работы я взял на себя. Вечерами, когда наш проводник задерживался где-нибудь в соседнем купе, я заходил в его закуток и включал свет в нашем вагоне. Следил, чтобы всегда был готов кипяток. К концу поездки наши попутчики по-дружески кричали мне из глубины вагона: «Сережа, а не пора ли зажечь свет?» Я по-хозяйски шел в крепко пахнущее хмелем купе проводника и включал свет.

Поезд шел в Москву. Мы с Натальей ехали в неизвестность.

55

После восьми месяцев жизни и работы в Санкт-Петербурге мы с Натальей оказались во Владимире, куда позвал нас мой друг и где было много наших земляков. Мы только начали входить в русло жизни этого красивого города, как случилось несчастье: умер Натальин отец. И мы в конце мая снова оказались на родине. После похорон мы поехали к моим родителям на берег Бухтармы. Отец увозил нас в Усть-Каменогорск на своей машине, и мы заехали к Ковригиным. Когда мы с мамой поднялись по старому адресу, нас встретил дядя Женя. В квартире вместе с ним жил запитого вида мужичок, который при нашем появлении тут же куда-то исчез. В комнате было все запущено. При виде моей мамы дядя Женя подошел к раковине и стал вычищать почерневшую от чая кружку. Сказал, что у него обнаружили ишемическую болезнь сердца. Баба Аня находилась у младшего сына Бориса на четвертом этаже, через подъезд. Она была при смерти. Дядя Женя

сказал, что она уже никого не узнает. Я подниматься не стал. Мою маму баба Аня не узнала. Она уже бредила. Добродушная, настрадавшаяся в жизни старушка, беззлобно шептала о том, что виделось ей одной в ее пограничном состоянии: «Вот идет дорожка. Прямо по этой дорожке я и пойду...» Через несколько дней она умерла.

Прошло два года, и мы вернулись на родину. Приехали погостить и остались. Оказавшись в Усть-Каменогорске, первым делом я отправился на улицу Патриса Лумумбы. Я шел по знакомому мне двору, зашел в знакомый подъезд и поднялся на второй этаж. На месте старой, деревянной, стояла новая, добротная железная дверь. Я сразу все понял. Вряд ли дядя Женья мог позволить себе такую роскошь. Я не стал жать на звонок и беспокоить нового хозяина, а спустился вниз. На первом этаже по-прежнему жила тетя Зоя, которая сразу узнала меня и запустила в квартиру.

– Женька-то? Он еще прошлый год умер от туберкулеза. А Бориса, брата его, нынче схоронили.

– Как? И дядя Боря тоже умер? – спросил я, ошеломленный этой вестью. – Так он же еще молодой!

– Вот молодой и помер. Лет пятьдесят ему было или не было? Все Ковригины уже на кладбище. Одна Ольга осталась, да Олежка где-то на защите живет.

Мы тепло попрощались, и я пошел в город. Все, что связывало меня с этим домом, осталось далеко позади, в прошлом, которое, пока я жив, вряд ли меня покинет.

2010 – 2017 гг.

В июле 2018 года отмечают:

70-летие

Серик НЕГИМОВ, литературовед

60-летие

Гайсагали СЕЙТАК, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

